

Глава III

ЦАРИ И АРИСТОКРАТИЯ СИНДИКИ

V – начала IV вв. до н.э.

(по письменным и археологическим источникам)

3.1. Письменная традиция и данные археологии о синдах: территория и этническая принадлежность

По сообщениям античных авторов, территория Синдики включала в себя не только современный Таманский полуостров, но и район нижнего течения Кубани. Для раннего периода наиболее полную картину, возможно следуя предшествующей ионийской традиции, даёт перипл Псевдо-Скилака третьей четверти IV в. до н.э. (*Ps.-Scyl.* 72-74). Она выглядит у него следующим образом: «После же меотов живут синды; но достигают они и областей вовне залива; и у них существуют такие греческие полисы: полис Фанагора, Кепы, Синдская Гавань, Патунт... А за Синдской Гаванью – керкеты... [После же керкетов тореты] и греческий полис Торик и гавань (пер. Ф.В. Шелова-Коведяева)». Можно согласиться с С.Р. Тохтасьевым в том, что Псевдо-Скилак отразил такую этнополитическую ситуацию «когда Синдика простиралась от Меотиды до Понта» и только потом синды уступили грекам «часть своих земель, практически безлюдных...» [Тохтасьев, 2004, с. 164]. Сложнее принять его конъюнктуру: Патунт (Патус) – это Патрей [Тохтасьев, 1986, с. 72 сл.], город на северной оконечности Таманского залива, что совершенно не соответствует порядку перечисления племён и населённых пунктов в сочинении Псевдо-Скилака. Гораздо больше оснований отождествлять Патунт (Патус) с Батами, которые локализуются в районе Новороссийска [Жебелев, 1953, с. 264; Гайдукевич, 1949, с. 220; Брашинский, 1968, с. 63; Шелов-Коведяев, 1988, с. 265, прим. 72]. В данном случае греческие города в Синдике следует рассматривать не только как условные географические ориентиры, но и в качестве обозначения границ влияния синдов на определённом историческом этапе.¹ Действительно, древняя хорография, описывая области обитания различных народов, нередко фиксировала их территориальные пределы там, где с политической точки зрения они заканчивались [ср.: Андерсон, 2001, с. 192]. К аналогичному выводу в своё время пришёл М.Ф. Высокий относительно «фракийской

¹ По-видимому, источником для этой части перипла было «сочинение, составленное в Афинах во второй половине V – первой половине IV вв. до н.э., либо отражавшее их интересы в данном регионе» [Шелов-Коведяев, 1988, с. 255].

части» перипла Псевдо-Скилака. Он считает, что его автор, «упомяная фракийские крепости, имел в виду не этническую принадлежность, а политическое подчинение этих поселений» [Высокий, 2003, с. 55]. В частности, в их список вошли такие известные полисы, как Перинф и Селимбрия.

Если исходить из титулатуры боспорского царя Левкона I, принятой сразу после присоединения Синдики к Боспору, то получается, что он одновременно получил власть не только над синдами, но и над дандариями, псессами и торетами, очевидно, входившими в состав военно-политического союза, сложившегося в ходе противостояния скифской экспансии в V в. до н.э. [Горончаровский, 2014, с. 581]. Казалось бы, это трудно согласовать с картой Псевдо-Скилака, согласно которой за Синдской гаванью начиналась территория керкетов, а тореты располагались далее. Но, если керкеты занимали трудно контролируемый горный массив юго-западной части Абрауского полуострова (господствующие высоты от 363 до 540 м), а тореты – часть территории в районе Горгиппии, слабохолмистый район в долине р. Котламы вплоть до Цемесской бухты и побережье от неё до Геленджикской бухты, то всё становится на свои места.

Особый интерес для нас представляет посвящённый Азиатскому Боспору и Синдике текст Страбона (*Strab.* XI. 2. 10): «Фанагория и Кепы расположены на ... острове при входе в озеро (Корокондамитское озеро – *В.Г.*) с левой стороны, а остальные города – за Гипанисом в Синдской области. В Синдской области есть место Горгиппия – царская столица синдов,² недалеко от моря, а также Аборака (пер. Г.А. Стратановского)». В том же смысле трактуют это место у Страбона Ф.Г. Мищенко и В. В. Латышев. Не будем останавливаться на анализе сохранившихся списков рукописи Страбона, в самом раннем из которых (конца V – начала VI вв.) упоминание Горгиппии выпало в результате ошибки переписчика: «Фанагория и Кепы лежат на упомянутом острове – по левую руку втекающему, а прочие города – по правую, по ту сторону Гипаниса, в Синдике, царская же резиденция синдов – поблизости от моря, а также Аборака (пер. С.Р. Тохтасьева)». Детальное исследование данного вопроса позволило прийти к однозначному выводу, что Горгиппия всё-таки была включена в оригинальный текст интересующего нас параграфа «Географии» [Тохтасьев, 2002, с. 10-18]. Правда, далее у Страбона Горгиппия названа «*лежащей на море*» (курсив наш – *В.Г.*) (*Strab.* XI. 2. 12), что больше соответствует реальному географическому расположению этого античного города. С.Р. Тохтасьев отмечал, что либо данный фрагмент текста «очень рано подвергся искажению, или что более вероятно, вышел неудобочитаемым уже из-под пера автора», пользовавшегося различными источниками [Тохтасьев, 2002, с. 11].

² Можно согласиться с мнением тех исследователей, которые высказывали сомнения в том, чтобы для резиденции правителей был выбран пункт у территориальных границ племени [Алексеева, 1997, с. 37; Тохтасьев, 2002, с. 10], к тому же археологические исследования в Анапе не выявили там строительных остатков, которые могли бы соответствовать «столичному» статусу этого поселения в V – начале IV вв. до н.э. [Алексеева, 1997, с. 13–20].

Если предположить, что Горгиппия попала в список городов за Гипанисом случайно, тогда в нём остаются неназванная царская резиденция синдов и Аборака.

Основанием для локализации этой царской резиденции стала случайная находка на Семибратнем городище каменного постамента со стихотворным посвящением от имени боспорского царя Левкона I. Наиболее приемлемый вариант его перевода гласит следующее: «Исполнив обет, Левкон, сын Сатира, поставил [это изваяние] Фебу Аполлону, тому, что в Л[абрисе],³ – владыке сего города лабри-тян, – [архонт] Б[оспора] и Феодосии, изг[навши] битвой и (военною) силой из земли синдов Октамасада, сына Гек[атея], царя синдов,⁴ который (Октамасада), лишая отца [его собственной] власти, на[пал] на этот город» [Тохтасьев, 2004, с. 144–180]. Эта надпись предоставила в распоряжение исследователей целый ряд новых данных. Так, выяснилось, что Семибратнее городище носило в древности название Лабрис и здесь находилась царская резиденция. На это недвусмысленно указывают последние строки надписи: мятежник Октамасада, свергая своего отца с престола, напал именно на Лабрис, и здесь произошла решающая битва, после которой Октамасада был изгнан из Синдики. Столичный статус Лабриса⁵ объясняет и исключительное богатство расположенных в 3 км к северо-западу Семибратних курганов (далее СК).

Недавняя попытка определить «естественные» границы Азиатского Боспора, предпринятая Г.П. Гарбузовым, выявила практически полное их совпадение с основной территорией древней Синдики [Гарбузов, 2013, с. 110–127]. Если исходить из природных условий (рельеф, почвы, растительность, климат), то степная территория приблизительно от Горгиппии до Лабриса составляет с Таманским полуостровом единую своеобразную область [Сударев, Гарбузов, 2015, с. 156]. В целом она соответствует двум комплексам рельефа: центрально-таманскому (чередование холмистых гряд и обширных синклинальных равнин и низменностей) и восточно-таманскому (пологоволнистая равнина, в пределах которой долины рек и балок соответствуют ядрам антиклинальных складок, сложенных рыхлыми глинистыми породами) (рис. 86). По классификации Гарбузова здесь преобладают низкие и приподнятые степные пологие равнины с прилегающими к лиманам болотистыми

³ Ю.Г. Виноградов допускал возможность того, что Аборака Страбона является результатом искажения переписчиками исконного названия города в форме Λαβοράκη [Виноградов Ю.Г., 2002, с. 17; другое мнение см.: Яйленко, 2004б, с. 429, прим. 1]. Ранее Н.В. Анфимов писал о том, что, возможно, «Семибратнее городище и есть город Аборака» [Анфимов, 1987, с. 99].

⁴ В данном случае термин «царь» носит достаточно условный характер, поскольку его употребление по отношению к Гекатею в посвящении из Лабриса и в новелле Полиена о Тиргатае (Polyaen. VIII. 55) отражает лишь признание его значимости в роли вождя сильного в военном отношении племенного союза. По отношению к мелким вождям небольших этнических группировок греческие авторы обычно употребляли термин «династ» [Грацианская, 1976, с. 15 и сл.].

⁵ Термин «столица синдов» в отношении этого города можно использовать только условно, поскольку у нас нет оснований утверждать, что он служил постоянным местом пребывания правителя и средоточием основных институтов власти [ср.: Каменецкий, 2003, с. 67].

пространствами [Гарбузов, 2013, с. 111].⁶ Не исключено, что в древности через современные Бугазский, Кизилташский и Ахтанизовский лиманы проходил морской пролив, получивший условное название Боспор Кубанский [Журавлев, Шлотцауэр, 2014, с. 151–154], хотя, если исходить из упоминания определённых этносов применительно к другим узким проливам (Фракийский, Киммерийский), его следовало бы именовать Боспор Синдский [ср.: Суриков, 2013, с. 167–176].

Таким образом, в пределах естественных границ Азиатского Боспора, помимо синдов, частично оказываются только тореты. Дандарии и псессы, подчинение которых боспорским правителям никогда не было достаточно прочным, занимали сопредельные территории. Среди выделенных им локальных групп меотских памятников И.С. Каменецкий соотнёс с дандариями III Приазовскую группу (рис. 87). В таком случае земли псессов, скорее всего, находились в среднем течении Кубани, в пределах IV Абинской группы [Каменецкий, 1989, с. 226, карта 16].

Археологическая характеристика синдов представляет собой достаточно сложную проблему. В своё время работы Синдской экспедиции В.Д. Блаватского не выявили на территории Таманского полуострова сельских поселений синдов периода существования местного независимого царства.⁷ С другой стороны, были открыты остатки временных скотоводческих стоянок типа кошей VI–IV вв. до н.э., располагавшихся на возвышенностях сравнительно далеко от берега [Блаватский, 1959, с. 47–48]. Это обстоятельство, несомненно, должно быть связано с культурно-хозяйственными особенностями местного населения. Соответственно, можно предполагать, что основным занятием синдов было отгонное скотоводство, основанное на сезонных перегонах скота на относительно короткие расстояния по каким-то замкнутым маршрутам. В качестве этнографической параллели заслуживает внимания следующий пример. Как известно, вплоть до XVIII в. отгонное скотоводство было основой хозяйственной жизни адыгов на территории Нижнего Прикубанья. Весной и осенью скот кормили на пастбищах в пойме реки, летом перегоняли его в горы, а зимой содержали на специальных стоянках [ср.: Казиев, Карпеев, 2003, с. 188].

Недавние, начиная с 2009 г., разведки и раскопки в Анапском районе Краснодарского края, проводившиеся Восточно-Боспорской археологической экспедицией ИА РАН, позволили её руководителю, Н.И. Судареву, сделать попытку систематизировать полученные материалы относительно ранней истории Синдики [Сударев, Гарбузов, 2015, с. 158–164]. С его точки зрения, начало освоения греками этой территории относится к концу VII в. до н.э. и связано с появлением на месте современной Анапы эмпория, через который велась торговля с местным населением. Правда, куль-

⁶ Можно вспомнить сохранённые Афинеем строки известного ямбографа конца IV в. до н.э. Феникса Колофонского: «... синд болотный с головой в кудрях длинных» (*Athen.* XII. 40. 530f).

⁷ Это обстоятельство вызвало суждение о том, что «археологически до сих пор синдская культура практически никак не выделяется, по крайней мере, там, где её ищут» [Масленников, 2001, с. 316]. Проблемы с выделением ареала синдов на археологическом материале отмечали и другие исследователи [Каменецкий, 1989, с. 226–233; Дмитриев, Малышев, 2009, с. 69–70].

турный слой, который можно соотнести с предполагаемым эмпорием, отсутствует, а расположенное в 3,5 км восточнее т.н. Алексеевское поселение пока дало только один фрагмент килика конца VII – начала VI вв. до н.э. с изображением птицы, остальные находки датируются VI – началом V вв. до н.э. Говорить об активной торговой деятельности греков в Синдике ранее второй половины VI в. до н.э. нет никаких оснований, исходя из данных самого Н.И. Сударева. Сам он считает, что «в это время ... начинает активно осваиваться сельскохозяйственная территория и производится, по-видимому, большое количество зерна» [Сударев, Гарбузов, 2015, с. 162]. В таком случае непонятно, почему поселения второй половины VI–V вв. до н.э. располагаются либо близ береговой линии лимана и древнего русла Кубани (Курбатское 1; Куматырь 6, 8, 12; Благовещенская 4; Капустин 4; Гастагаевское 16; Гастагаевское-Западное; группа усадеб близ пос. Воскресенский; Красный курган и на Благовещенском останце; городище Уташ 12 и усадьба Уташ 14; городище Джигинка 3 и группа усадеб близ него; Чекон 2, 17), либо в предгорьях на расстоянии от 5 до 15 км от него (Самойленко 1; городище Гастагаевское 17; Вестник 1–5) (рис. 88)? Таким образом, обширные пространства чернозёмных почв (рис. 89) долгое время, вплоть до включения Синдики в состав Боспора, оставались неосвоенными, что требует своего объяснения. Излишне прямолинейной представляется атрибуция как синдских всех ранних поселений и некрополей Западного Закубанья. Тогда не остаётся места для племени торетов, которые, судя по сообщению Плиния Старшего (*Plin. Hist. Nat.* VI. 17), занимали как раз крутые возвышенности на восточной границе Синдики. Вызывает сомнения утверждение о масштабной степени эллинизации варварского населения уже с середины V в. до н.э. В данном отношении показательно, что даже наиболее основательно исследованное поселение Вестник 1, где было открыто монументальное здание «храма элевсинских богинь», демонстрирует превалирование лепной посуды «над всеми видами керамики, кроме тарной» [Сударев, Гарбузов, 2015, с. 162]. Отсутствие на данный момент развёрнутой публикации материалов, полученных Восточнобоспорской экспедицией, не позволяет в полной мере оценить их значение для истории этого региона.

Лингвистическая принадлежность синдов, напрямую связанная с проблемой их этногенеза, до конца неясна, хотя историография этого вопроса, недавно подробно рассмотренная А.М. Новичихиным, насчитывает уже более ста пятидесяти лет [Новичихин, 2014б, с. 110–121]. Выдвинутая О.Н. Трубачевым вслед за П. Кречмером гипотеза о том, что они были индоарийцами, не выдерживает критики и должна быть решительно отброшена, как не имеющая подтверждения в археологических материалах [Грантовский, Раевский, 1984]. Известные нам имена членов правящей династии – Гекатей, Октамасад – иноязычные и могут свидетельствовать только о культурных и политических контактах⁸. Обычно считается, что синды относились к

⁸ Не исключено, что к числу синдских относятся уникальные для боспорской ономастики ираноязычные имена Харсенак и Матаг, вырезанные на известняковой стеле V в. до н.э., найденной в окрестностях Корокондамы (КБН. 1104).

меотской археологической культуре, в которой И.С. Каменецкий даже выделял особую синдскую локальную группу, правда, отметив в её границах только один археологический памятник – Семибратние курганы [Каменецкий, 1989, с. 216]. Между тем, рассматривая возможность отнесения синдов к числу меотских племён, следует иметь в виду одно существенное обстоятельство: сам этноним «меоты» у античных авторов, безусловно, был собирательным и его следует воспринимать, скорее, как обозначение народов, населявших восточное побережье Меотиды. Поэтому среди них могли быть представители различных этнических групп, говорящих как на северокавказских, так и на иранских языках [ср.: Новичихин, 2014б, с. 117]. Характерным примером являются язаматы-иксибаты, которых античные авторы причисляют то к меотам, то к савроматам (*Ps.-Scymn.* 878-880; *Polyaen.* VIII, 55). Собственно, «синды» и «меоты»⁹ – это два разных типа этнонимов. «Меоты», скорее всего, понятие географическое и отражает место обитания ряда племён. Очевидно, оно никогда не было самоназванием и его применение ограничивалось рамками греческой культурной среды. Совершенно иная ситуация с засвидетельствованным на монетах этнонимом «синды». Это самоназвание, как и в случае с соседними племенами дандариев, псессов, торетов и др. [Горончаровский, Иванчик, 2010, с. 219–220]. Всё же по ряду косвенных данных предпочтительнее предполагать иранскую принадлежность синдского языка. О том же свидетельствуют наблюдения относительно генезиса синдских погребальных традиций, которые будут рассмотрены далее.

Наиболее детально в последнее время разрабатывается версия о том, что синды представляли собой синкретическое этническое образование, возникшее в результате слияния местного и пришлого кавказского населения. Для обоснования этой концепции А.М. Новичихин даёт последовательную картину эволюции варварских погребальных сооружений VI–V вв. до н.э. в районе современной Анапы, где, по его мнению, и происходил этот процесс. В частности, для первой половины VI в. до н.э. характерны площадки под округлыми каменными закладами, иногда окружёнными по периметру круглыми камнями. Их сменяют «погребения в неглубоких ямах с перекрытием из каменных плит, окруженные каменными кромlexами». Около середины VI в. до н.э. появляются погребения в каменных ящиках, в предшествующий период распространённые на Черноморском побережье от Новороссийска до Туапсе. В V в. до н.э., по мнению А.М. Новичихина, происходит формирование новой этнокультурной общности и слияние двух погребальных традиций в виде появления практики сооружения каменных ящиков с округлой обкладкой-кромlexом, и этот тип погребальных конструкций становится преобладающим в Синдике¹⁰ [Новичихин,

⁹ Различие между синдами и меотами последовательно проводилось в титулатуре Спартокидов: они часто именуются «царями синдов и всех меотов» (Левкон I и Перисад I: КБН. 8; 10; 11; 971; 1039; 1040). От трудов античных авторов трудно ожидать той же последовательности, например, Псевдо-Скимн включает синдов в состав меотов.

¹⁰ Сторонниками связи «каменных» некрополей района Анапы с историческими синдами были и другие ученые [Крушкол, 1971, с. 88–90; Масленников, 1981, с. 18; Кругликова, 1987, с. 12].

2014б, с. 116–117], хотя ранее он более осторожно подходил к решению этой проблемы [Новичихин, 2010, с. 250–252].

Представляется, что более конструктивной в данном отношении является позиция Е.М. Алексеевой, сформулированная ею в рецензии на коллективную монографию «Население архаической Синдики. По материалам некрополя у хутора Рассвет». В частности, она отмечает широкий ареал специфического облика т.н. «каменных» некрополей и их отсутствие на территории Таманского полуострова, включавшегося древними авторами в Синдику, что «заставляет осторожнее относиться к их интерпретации как синдских» [Алексеева, 2012, с. 173–177]. С её точки зрения, высказанной в своё время более конкретно, в носителях этой погребальной традиции следует видеть ближайших соседей синдов – керкетов и торетов [Алексеева, 1991, с. 35; 2000, с. 162], и в этом с ней вполне можно согласиться. Таких же взглядов придерживаются и современные исследователи полуострова Абрау [Малышев, Гольева, Спиридонова и др., 2014, с. 101, рис. 5]. Обращает на себя внимание рядовой характер погребений «каменных некрополей», которые по конструктивным особенностям и составу погребального инвентаря разительным образом отличаются от другой группы захоронений, определённо имевших отношение к синдам, по крайней мере к элите синдского общества.

3.2. Погребальные памятники элиты синдского общества

В настоящее время погребальные комплексы представителей царского рода и аристократии являются чуть ли не единственным источником информации об элите синдского общества и его материальной культуре, а потому заслуживают самого тщательного всестороннего изучения. Наиболее представительными из них являются знаменитые Семибратние курганы,¹¹ занимающие небольшую возвышенность протяженностью около 300 м на левом берегу р. Кубань, близ пос. Большой Разнокол. Они были раскопаны В.Г. Тизенгаузенем в 1875–76 и 1878 гг. Самые ранние комплексы имели под курганными насыпями возведенные над материком сырцовые склепы с деревянным перекрытием (СК 2,4,5)¹² и сопровождающие конские захоронения.

Учитывая использование сырцового кирпича в гробницах средиземноморского региона и отдельных районов античного Причерноморья, А.М. Новичихин не так

¹¹ Первым, кто связал эти курганы с династией синдских царей или представителями высшей местной знати, была В.И. Мошинская в статье «О государстве синд» [Мошинская, 1946, с. 205]. Типично синдской разновидностью погребальных сооружений считали их и многие другие исследователи [Гайдукевич, 1949, с. 47–50; Коровина, 1957, с. 177–178; Анфимов, 1987, с. 92–98; Блаватская, 1959, с. 156; Силантьева, 1967, с. 47–48; Артамонов, 1974, с. 63, 121; Ильинская, Тереножкин, с. 1983, с. 80–81, 213–219; Алексеева, 1997, с. 30–31; Власова, 2001, с. 129–130; Виноградов, 2005а, с. 252–254; Горончаровский, 2014. С. 553 сл.]. Такая уже сложившаяся точка зрения редко подвергалась сомнению [см., напр.: Смирнов, 1966, с. 79–80].

¹² Здесь и далее для обозначения отдельных Семибратних курганов будет применяться сокращение СК.

давно предложил рассматривать традицию применения сырцовых конструкций как принесённую на Азиатский Боспор греками-колонистами и впоследствии заимствованную синдской аристократией [Новичихин, 2006, с. 23; 2014б, с. 115].¹³ При этом он ссылается на применение сырцового кирпича для сооружения гробниц на территории Греции и в Северном Причерноморье (некрополи Ольвии, поселения Панское I и Нимфея) [Козуб, 1974, 12, рис. 2,3; Рогов, 1985, с. 45–50; Ольховский, 1991, с. 49, 152]. Надо сказать, что эти примеры никоим образом нельзя признать удачными, поскольку они несопоставимы с СК либо конструктивно, либо в отношении датировки. В материковой Греции (Афины, Элевсин) отдельные грунтовые могилы, стенки которых обложены сырцовыми кирпичами, известны только для периода IX–VII вв. до н.э. [Poulsen 1905: 21; Zehetmaier 1907: 130–132], а в Ионии они вообще не встречаются. В Ольвии, как, впрочем, и в Пантикапее, для VI–V вв. до н.э. сырцовые склепы отсутствуют, да и могильные ямы, стенки которых облицованы сырцовыми кирпичами, – это единичные случаи [Кастанаян, 1959, с. 258, 276]. В Нимфее известен только один подкурганый сырцовый склеп середины V в. до н.э. [Силантьева, 1959, с. 14], но его греческая принадлежность под вопросом. Это совершенно ограбленная прямоугольная сырцовая гробница 14 кургана 32, имевшего средние размеры: около 6 м в высоту. По всем сторонам гробницы были обнаружены конские могилы с наборами бронзовых украшений упряжи V в. до н.э. [Силантьева, 1959, с. 86]. Сырцовые склепы известны также в Фанагории, причём все они связаны с курганными насыпями середины–второй половины V в. до н.э. [Кобылина, 1956, с. 19], т.е. синхронны началу формирования Семибратней курганный группы. Что касается соответствующих погребальных сооружений на Панском I площадью 4,5–10 кв. м, то они датируются IV в. до н.э. [Рогов, 1985, с. 49]. В данном случае использовались близкие к т.н. «пентадорону» (0,385 × 0,385 м) кирпичи 0,4 × 0,4 × 0,09 м и половинного размера (рис. 90, 1). Их применение в греческой строительной практике описано Витрувием: «с одной стороны выкладывают ряд кирпичей, с другой – полукирпичей. Таким образом, при прямолинейной кладке стены с обеих сторон перевязывают чередующимися слоями...» (*Vitr. De arch.* II. 3). К тому же периоду относятся и два сырцовых склепа площадью около 6 кв. м из некрополя Кеп [Сокольский, 1965, с. 116; 1969, с. 88]. В данном случае стены были сложены из кирпичей размерами 0,62 × 0,45 × 0,08 м (рис. 90, 2). Приходится констатировать, что основные элементы сырцовых погребальных конструкций в Греции и античных государствах Северного Причерноморья не имеют ничего общего с принятыми у синдов стандартами, известными по уташской гробнице 1976 г. В данном случае погребальную камеру (15,6 кв. м), перекрытую накатом из дубовых и вязовых брёвен, врезали в материк

¹³ Сходных взглядов придерживается Н.И. Сударев, в личной беседе на XVI Боспорских чтениях (Керчь, 18–22 мая 2015 г.) заявивший, что такого типа погребальные комплексы являются слишком сложными сооружениями для синдов и могли быть возведены греками из расположенного всего в 3 км к юго-востоку Лабриса.

(рис. 91). Гробница, ориентированная по продольной оси на СВ–В, имела стены толщиной около 1 м, а внутри два вытянутых отсека, отделявшихся друг от друга невысокой сырцовой стенкой. Это единственный сырцовый склеп V в. до н.э., где чётко зафиксированы размеры использованных в кладке кирпичей: $0,5 \times 0,48$ м и $0,52 \times 0,5$ м при толщине от 0,06 до 0,11 м [Алексеева, 1991, с. 30], т.е. практически совпадающими с длиной персидского «царского» локтя (52,5 см). При всей схематичности чертежей из отчетов В.Г. Тизенгаузена (рис. 92) толщина сырцовых стен открытых им склепов – около 0,5 м, исходя из масштаба – близка к стандарту уташских кирпичей.

В свое время Н.П. Сорокина, исследовавшая Тузлинский некрополь, отмечала, что распространение сырцовых сооружений на Таманском полуострове лишь отчасти можно объяснить отсутствием хорошего строительного камня [Сорокина, 1957, с. 14]. В еще большей степени это относится к району СК, в 5 км от которых находятся современные каменные карьеры. Естественно предположить, что сооружение сырцовых склепов на территории Боспора, скорее, «было вызвано какими-то своеобразными чертами погребального культа обитателей Синдики» [Сорокина 1957: там же]. Вполне очевидно, что для Северного Причерноморья в V в. до н.э. это уникальное явление, не связанное с греческой традицией. Действительно, самые ранние склепы синдской знати не представляют собой более масштабную версию греческого варианта могильной ямы со стенками из сырцовых кирпичей: они возводились над материком. Не прослеживается связь конструктивных особенностей такого рода сооружений и с могильниками VI–V вв. до н.э. в районе Анапы¹⁴, где, по мнению А.М. Новичихина, происходило формирование синдского этноса [Новичихин, 2014, с. 116–117]. Следовательно, истоки этой погребальной обрядности не имеют окрашенных греческим влиянием местных корней. Их нужно искать в иной культурной среде, прежде всего в сопредельных кочевых обществах, чтобы определить регион, откуда они могли быть привнесены.

В скифских курганах между Дунаем и Доном тип сырцовой погребальной камеры отсутствует [Ольховский, 1991, с. 17]¹⁵. То же можно сказать и о «царских» курганах Восточного Прикубанья VI в до н.э. С другой стороны, обычай захоронения умершего в просторной наземной погребальной камере, возведённой из сырцового кирпича, в X–VIII вв. до н.э. имел широкое распространение в Приаралье. В частности, он характерен для могильника племенных вождей в Северном Тагискене [Итина,

¹⁴ Они представлены тремя типами: площадки с каменными закладами, ямы прямоугольной и овальной формы с округлыми обкладками из камня, заглубленные каменные ящики. Их объединяет простота устройства и скромность инвентаря, в чём можно видеть отражение определённой социально-этнической иерархии. При этом стоит отметить, что, как и в СК, здесь преобладает ориентировка погребённых в пределах восточного сектора [Новичихин, 2010, с. 192–196].

¹⁵ Единственный пример подобного рода в монографии В.С. Ольховского – это уже упоминавшийся нимфейский подкурганый сырцовый склеп [Ольховский, 1991, с. 49, 152], скифскую принадлежность которого можно оспорить.

1992, с. 31–37]. Для более позднего времени использование перекрытых деревянными крышами склепов из сырцового кирпича зафиксировано в курганных могильниках VI – первой половины V вв. до н.э., исследованных в южноуральских степях и Самарском Заволжье, где после середины V в. до н.э. такая традиция быстро исчезает [Мышкин, Скарбовенко, 2010, с. 93]. Курганы с сырцовыми конструкциями, возведённые на погребённой почве, в ряде случаев сопровождаются захоронениями взнузданных коней. В могильнике Есен-Амантау склеп имел бревенчатый накат, а в Кырык-Оба II к югу от р. Урал стены погребального сооружения при высоте до 1,5 м имели ширину 1 м из четырех полукирпичей [Гуцалов, 2007, с. 78,80] (рис. 93). Впрочем, в субкультуре местной кочевнической элиты такие склепы далеко не доминируют, составляя около 12% всей выборки. При этом нет полного соответствия СК, поскольку сырцовые конструкции часто перекрывают захоронения в ямах с ориентацией погребённых в южном и западном направлениях [Мышкин, 2011, с. 322 сл.].

Наличие в Самаро-Уральском регионе пяти типов элитных погребальных памятников может свидетельствовать о существовании на этой территории нескольких разноэтнических группировок кочевников. Часть одной из них могла сместиться в западном направлении около 530 г. до н.э. или ранее под давлением новой кочевой волны с востока («скифы царские»), положившей начало среднескифской культуре [Виноградов, 2001б, с. 124–125; Масленников, 2001, с. 315; Алексеев, 2003, с. 208–210, 397, рис. 24].

Этой датировке не противоречат имеющиеся в греческой литературной традиции самые ранние упоминания о синдах и Синдике – у эфесского поэта Гиппонакта (Hipp. 68A(45) = Bergk, 1882, s. 484),¹⁶ жившего во второй половине VI в. до н.э., и его современника Гекатея Милетского (FHG. Fr. 166), создавшего свое «Землеописание» в конце того же столетия. Смена в ходе миграции природной и социальной среды, ослабление традиционных норм поведения – всё это неизбежно должно было привести к серьёзным изменениям в культуре участников этого процесса, далеко не идентичной той, что существовала на родине. Могли сыграть роль такие факторы, как присутствие в составе мигрантов, главным образом, молодых мужчин, не обязательно однородных в этническом отношении и сохранивших лишь отдалённые воспоминания о порядке захоронения лиц высокого социального ранга [ср.: Клейн, 1973, с. 1–17]. Видимо, синдов следует рассматривать как сравнительно небольшую группу азиатских кочевников, отличных от скифов, но на определённом этапе находившихся под их сильным политическим и культурным влиянием. Не вызывает сомнений, что они были открыты и для культурных импульсов, распространявшихся по степному коридору с востока. Так, Е. В. Переводчикова отмечает для V в. до н.э. сходство отдельных предметов погребального инвентаря СК с вещами из восточных

¹⁶ Как известно, вторую половину жизни Гиппонакт провёл в Клазоменах, жители которых имели какие-то наблюдательные пункты на побережье Меотиды [Strab. XI. 2. 4; см. также: Кулакова, 2003, с. 297–306], и, следовательно, мог получить информацию о синдах из первых рук.

областей Евразии [Переводчикова, 1987, с. 56], хотя, скорее всего, это воздействие носило опосредованный характер, поскольку местными мастерами использовался достаточно ограниченный набор соответствующих образов [Переводчикова, 1994, с. 56, 165-166]. То же самое можно сказать о совпадениях в отношении погребального обряда, художественных приёмов и стилистики с материалами Пазырыкских курганов на Алтае [Марсадолов, 1987, с. 30-37; Зуев, 1994, с. 93-94].

К концу VI в. до н.э. синды, очевидно, прочно заняли географическую нишу в Нижнем Прикубанье¹⁷ и обрели доминирующее положение среди местных оседлых и полuosедлых варварских племён. Если исходить из титулатуры боспорского царя Левкона I (389–349 гг. до н.э.), принятой сразу после присоединения этой области, получается, что он единовременно получил власть не только над синдами, но, как уже было сказано, и над дандариями, пессами и торетами, очевидно, входившими в состав военно-политического союза, сложившегося в ходе противостояния скифской экспансии в начале V в. до н.э. [Горончаровский, 2014, с. 581]. Если принять эту точку зрения, то с известными коррективами наиболее предпочтительной оказывается иранская версия этногенеза синдов.

Видимо, не случайно в античной литературной традиции скинды фигурируют как «издавна враждовавшие со скифами» (*Luc. Tox.* 55; пер. С.Ю. Сапрыкина), которые, по сообщению Геродота, на повозках пересекали Керченский пролив по льду, что можно трактовать как военные походы или сезонные перекочевки на зимние пастбища [Виноградов, 2005а, с. 214-215]. Судя по всему, царские скифы относили скинды к числу тех, кого считали своими «рабами», т.е. брали с них дань. Геродот, повествуя о привязанном к району Боспора Киммерийского конфликте пришедших из Азии скифов с «немалым войском» потомков рабов, этнически их никак не идентифицирует (*Herod.* IV. 2-3). С другой стороны, в «Аргонавтике» Гая Валерия Флакка, скорее всего, пользовавшегося более ранними источниками, есть такие строки: «Устремляются и выродившиеся скинды и скупают отряды, ещё ныне боящиеся ударов бичей вследствие преступления предков» (*Val. Flacc.* VI. 85; пер. В.В. Латышева), а у Аммиана Марцеллина упоминаются «скинды, после несчастья своих господ в Азии овладевшие их женами и имуществом» (*Amm. Marc.* XXII. 8. 41; пер. В.В. Латышева).

Ю.А. Виноградов, рассматривая проблему варварских миграций в истории Боспора Киммерийского, отметил, что период связанной с ними дестабилизации в степях Северного Причерноморья, «как можно полагать, охватывал приблизительно 25–30 лет» [Виноградов, 2014е, с. 70]. Именно такой промежуток времени отделяет предполагаемую дату появления синдов в Нижнем Прикубанье от начала налаживания контактов с боспорскими эллинами, когда не ранее самого начала V в. до н.э. в центре Синдики был основан город Лабрис (Семибратнее городище). Скорее всего,

¹⁷ Почти пятью столетиями позднее практически ту же территорию заняли представители другой группы ираноязычных кочевников – аспургиане.

на первых порах он имел статус эмпория под варварским протекторатом [ср.: Hansen, 1997, p. 29; Цецхладзе, 1999, с. 198-199], где на более или менее постоянной основе проживали представители греческих городов, заинтересованных в торговых связях с синдами [ср.: Марченко, Житников, Копылов, 2000, с. 248–252]. Конечно, такое близкое соседство не могло не оказать влияния на погребальную обрядность синдской элиты, но проявилось это далеко не сразу.

Для характеристики греко-синдских отношений V–IV вв. до н.э., как уже не раз отмечалось, чрезвычайно важны погребальные комплексы Семибратних курганов,¹⁸ расположенных в непосредственной близости от Лабриса. В своё время основные данные для характеристики этих курганов были сведены нами в следующую таблицу:

Таблица 1. Погребальные комплексы Семибратних курганов

№ кургана	Высота кургана	Окружность	Размеры осн. гробницы и ее ориентация	Конструкция осн. гробницы	Предметы греч. импорта	Впускные погребения и их констр.	Констр-я доп/захор. лошадей	Кол-во захорон. лошадей
1	14,9 м (ограбл.)	260 м	6,4 × 3,6 м, ориентация ЮВВ	камень, в мате-рике?	1	1 жен. (?), грунт. яма	?	2
2	6 м	138 м	6,9 × 4,7 м (выделен. угол 2,8 × 1,7м), ориентация СВВ	сырц. кирпич + дер. брусья, на мате-рике	11	–	–	13
3	3,2 м (ограбл.)	77 м	4,6 × 1,8 м ориент. ЮВ+2лош.	камень, в мате-рике	5	–	3,9 × 1,7м, сырц. кирп.	2+4
4	12,8 м	213 м	3,9 × 3,15 м из 2-х отделений. Ориентация В	сырц. кирпич + дер. брусья, доски, на мате-рике	18	–	4,9 × 3,6 м, сырц. кирпич+ дер. бру-сья + отд. костяк + гробни-ца?	9+1+3?

¹⁸ Более подробно о комплексах Семибратних курганов см.: Горончаровский, 2014, с. 553–618.

5	6,7 м (ограбл.)	183 м	8,4 × 7,2 м с выд. углом 3,7 × 2,8 м (кам. гробн.) +12 лош. в Г-образ. отсеке, ориент. СВ	сырц. кирпич + дер. брусья, на мате- рике	1	—	1 б/огра- ды	12+1
6	11,4 м	160 м	4,1 × 2,9 м с выд. с-в углом 2,3 × 1,5 м (кам. гробница) + 3 отд. (в одн. 7 коней) ориен- тация В.	сырц. кирпич + дер. брусья, в материке	27	—	—	7
7	6,4 м (ограбл.)	183 м, кам. крепи- да, д.39 м и окр. 122 м	4,3 × 1,2 м ориен- тация В с неб. откл. к С	камень, в мате- рике	13	1 женское (сырц. кирп+ дер.бревн 1 ограбл. кам. гробн.	пристр. к основ- ной кон. гробн. 2,3 × 2,1 м, сырц. кирпич	3

В итоге удалось проследить особенности развития конструкции погребальных сооружений в Семибратних курганах на протяжении почти восьмидесяти лет и выделить среди них три последовательно сменяющие друг друга группы: 1) СК 2 и СК 4 – сырцовые склепы, возведённые на материке и перекрытые деревянными брусьями (в пределах склепа или отдельно захоронены лошади, число которых может достигать тринадцати)¹⁹; 2) СК 5 и СК 6 – каменные гробницы, впущенные в угол сырцовых склепов (в первом случае расположен на материке, во втором – врезан в материк) с захоронениями коней в отдельных отсеках; 3) СК 1, СК 3 и СК 7 – каменные гробницы вытянутой формы, впущенные в материк, рядом сырцовые склепы с конскими костяками. Все они (за исключением СК 1) расположены на небольшой возвышенности и вытянуты в цепочку, которая формировалась в направлении с за-

¹⁹ По количеству конских захоронений Семибратние курганы соответствуют уровню самых выдающихся погребальных комплексов Скифии V–IV вв. до н.э., например, в курганах Козел и Чертомлык найдено по 11 конских костяков, в Александропольском – 16, что лишний раз подчеркивает кочевой образ жизни синдской аристократии.

пада на восток. Такая же линейная последовательность характерна и для известных Келермесских курганов более раннего времени [Алексеев, 2003, с. 107].

Если анализировать данные комплексы с точки зрения социальных позиций, то основным критерием, безусловно, являются размеры кургана. По Геродоту его сооружали все участники похорон, «стараясь сделать насыпь как можно выше» (*Herod.* IV. 71). В сравнительном плане можно использовать существующее деление курганов скифской знати по высоте насыпей на четыре группы [Мозолевский, 1979, с. 152, 156-157, табл. 4], то в высшую IV группу (верховные цари), числовые показатели которой следует расширить до 11–21 м, попадают только три комплекса: СК 4 (≈440–430 гг. до н.э.) – 12,8 м, СК 6 (≈410–400 гг. до н.э.) – 11,4 м и СК 1 (≈385–375 гг. до н.э.) – 14,9 м, которые можно соотнести с захоронениями вождей. Ещё три комплекса соответствуют II группе высотой от 5,7 до 7,5 м (члены царского рода). Мало отличаясь высотой друг от друга, они образуют достаточно компактную группу курганов (6-6,7 м): СК 2 (≈450–440 гг. до н.э.), СК 5 (≈430–420 гг. до н.э.) и СК 7 (≈рубеж V–IV вв. до н.э.). Группа I высотой от 3 до 4,5 м (родовые старейшины, богатые кочевники) представлена лишь небольшим курганом СК 3 (≈390–380 гг. до н.э.) – 3,2 м. При этом отметим, что захоронение здесь носило явно экстраординарный характер и, очевидно, всё же было связано с представителем правившей в Синдике династии.

Таким образом, на протяжении примерно шестидесяти лет в Семибратних курганах были погребены три верховных правителя синдов: около 435, 405 и 380 гг. до н.э. Последним из них согласно античной литературной традиции и данным эпиграфики был Гекатей, судя по всему, погребённый в СК 1 – самом позднем и одновременно самом большом среди Семибратних курганов, в конструкции которого наиболее ощутимо влияние боспорской архитектуры, поскольку тут был обнаружен самый ранний на Боспоре оштукатуренный склеп размерами 6,4 × 3,6 м. В то же время сравнительно невзрачный СК 3 можно предположительно связать с произведённым наспех, без особой пышности захоронением царского сына Октамасада [Горончаровский, 2014, с. 590]. Всё же мы не можем утверждать, что этот список является исчерпывающим и Лабрис был единственной точкой притяжения синдской знати, особенно на раннем этапе.

Среди погребальных комплексов Азиатского Боспора с характерными синдскими конструкциями обращает на себя внимание раскопанный в 1852 г. К.Р. Бегичевым в непосредственной близости от Фанагории курган 6 (ФК 6)²⁰. Высота насыпи, которая достигала 15,6 м,²¹ позволяет с полным правом отнести его к категории «царских».

²⁰ Данные о раскопках ФК 6 из дневника К.Р. Бегичева (НВА ГИМ, ф. 1, Отдел археологии, группа Б, д. 6, л. 2–5), существенно дополняют ранее имевшуюся информацию [Ростовцев 1925, 349–350]. Более подробно о работах 1852 г. в Фанагории см.: Застрожнова, 2014, 469–481.

²¹ Расчёт размера насыпи произведён на основании измерений, произведённых К.Р. Бегичевым: сырцовый склеп высотой до 2,5 аршина (=1,8 м) находился на глубине 2 сажень (=4,26 м) от поверхности кургана и на расстоянии 4,5 сажени (=9,58 м) от его подошвы [НВА ГИМ, ф. 1, Отдел археологии, группа Б, д. 6, л. 2–5].

В центре кургана был обнаружен расположенный над материком сырцовый склеп с провалившимся деревянным перекрытием. Размеры его сравнительно невелики: $3,6 \times 3,2 \text{ м} = 11,5 \text{ кв. м}$ при высоте 1,8 м, да и сопровождающий инвентарь достаточно скромный. На дне склепа находились два плохо сохранившихся костяка в простых деревянных саркофагах. Один из них, с бронзовыми скобами и ножками, принадлежал мужчине, облачённому в железный панцирь. Слева от него находились обломки меча, копий и более 140 бронзовых и железных наконечников стрел. Другой саркофаг содержал остатки женского костяка, возле которого были найдены более десятка штампованных золотых бляшек с изображениями розеток (2 экз.), летящей птицы (2 экз.), овода (3 экз.), сфинксов и лежащего оленя (3 экз.) [ДБК, табл. XXII, 12, 13, 17, 18, 20, 21]. Возможно, они украшали головную повязку, а обнаруженные там же удлинённые подвески и шарики с петельками близки по форме деталям ожерелья из СК 2. Часть бляшек (птица, сфинкс, олень) полностью аналогична бляшкам из нимфейского кургана 24, относящегося ко времени около середины V в. до н.э. [Силантьева, 1959, с. 71, рис. 38, 16, 18]. Отметим также пару массивных спиралевидных подвесок с пирамидками из зерни на концах (рис. 95, 1), которые считаются изделиями боспорских мастерских и, по классификации Л.Ф. Силантьевой, связаны с вариантом II а, датирующимся третьей четвертью V в. до н.э. [Силантьева, 1976, с. 125-126, рис. 3а]. В правом углу склепа и у входа стояли по две амфоры, в каждой из которых «найден по золотой подвеске в виде продолговатых остроконечных шариков». В первом случае возле амфор обнаружено несколько бронзовых наконечников стрел и наконечник копья. Рядом оказалась конская могила из сырцового кирпича площадью около 6 кв. м с четырьмя скелетами лошадей и бронзовыми уздечными наборами. С учетом всех находок вряд ли будет преувеличением отнести сооружение этого погребального комплекса примерно к 450–440 гг. до н.э.

Для V в. до н.э. этому кургану нет равных ни на территории Великой Скифии и Синдики, ни на Боспоре. Для синхронных скифских памятников наивысшим показателем является высота 7,1 м (Новогригорьевка 5, Великая Знаменка 1), а для территориально и хронологически близких Нимфейских курганов – 6 м [Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 247; Силантьева, 1959, с. 83]. Появление в окрестностях столицы Азиатского Боспора огромного погребального комплекса, который К.Р. Бегичев в своём дневнике назвал самым большим «из всех видимых на берегах Босфорского залива» [НВА ГИМ, ф. 1, Отдел археологии, группа Б, д. 6, л. 2], может говорить о том, что именно Фанагория имела наиболее интенсивные контакты с синдами на раннем этапе существования созданного ими «царства»²². Видимо, ФК 6 был возведён в тот период, когда только начинала складываться система, обеспечивавшая синдскую элиту товарами престижного потребления. Собственно, за исключением оружия, явно изготовленных на заказ двух золотых подвесок с пирамидальными концами, деталей золотого ожерелья и нескольких нашивных бляшек, они здесь практи-

²² Соответственно в сооружении кургана могли принять участие и граждане Фанагории.

чески отсутствуют, да и то всё это немногочисленное золото относится к женскому погребению. В данном случае высочайший социальный статус подчеркивался не помещённым в могилу богатством, а количеством труда, затраченного для увековечения памяти умершего, судя по всему, бывшего первым правителем Синдики.

К этому же периоду относится достаточно статусное захоронение в кургане 2, раскопанном в 1852 г. под Фанагорией (ФК 2) [Гёрц, 1898, с. 61 сл.; Ростовцев, 1925, с. 349–351; ср.: Виноградов, 2005а, с. 250–251]. Сырцовая гробница здесь была перекрыта провалившимися внутрь деревянными брусьями. Она находилась на глубине 2,5 сажени (=5,3 м) от дна впадины в центре кургана (НВА ГИМ, ф. 1, Отдел археологии, группа Б, д. 6, л. 3). С учётом размеров самого склепа площадью 12 кв. саженей (=25,6 кв. м) высота курганной насыпи была не менее 9 м. В ней на полу из сырцового кирпича под слоем древесного тлена со следами розовой, голубой, серой красок (саркофаг?) лежал скелет в чешуйчатом панцире, слева от которого обнаружили спёкшиеся в одну массу около 160 наконечников стрел (остатки горита?). Из украшений присутствовала только золотая бляшка с оттиснутым на ней изображением звёздочки. Рядом, возле панциря, были найдены обломки железных наконечников копий и меча. Неподалеку удалось обнаружить останки ещё одного погребённого в таком же защитном снаряжении с большим количеством наконечников стрел. Возле них оказались «две золотые бляшки, представляющие: одна – изображение мухи, другая – мужскую комическую маску». «На некотором расстоянии влево был открыт ещё один покойник, одетый в такой же панцирь, без оружия, только у ног была найдена большая глиняная чашка простой работы и маленькая чашечка, покрытая чёрным лаком, с ручками». Часть склепа за черепами захороненных в нём воинов была выделена загородкой из сырцовых кирпичей, где «оказались пять скелетов лошадей, голова к хвосту». У «этих лошадей были отысканы на головах бронзовые узды, простой работы, плохо сохранившиеся». Такая же загородка находилась «с правой стороны гробницы», и в ней было зафиксировано шесть скелетов лошадей с аналогичным уздечным набором. А.К. Коровина отнесла эти погребения ко второй половине V в. до н. э. [Коровина, 1964, с. 9], но сопоставление с СК 2 (около 450–440 гг. до н.э.) позволяет сузить такую датировку. В этой связи стоит обратить внимание на приблизительно одинаковые размеры погребальной камеры (в СК 2 – 32 кв. м), наличие в обоих случаях пола из сырцовых кирпичей²³ и аналогичное Г-образное размещение конских костяков, которые в торцовой части склепа расположены «голова к хвосту».

Предположительно как погребения женщин, принадлежавших к элите синдского общества и связанных со жреческими функциями (см. также главу V), можно рассматривать раскопанные близ Фанагории известные подкурганные захоронения с фигурными полихромными сосудами – это комплексы 1852 г. (раскопки К.Р. Бегичева, Л.А. Перовского и А.А. Сибирского) и 1869 г. (раскопки В.Г. Тизенгаузена) [Паромов,

²³ Такая конструктивная деталь нигде больше не встречается.

2004, с. 309–316]. Первый из них представлял собой курган высотой 8,5 м при окружности 149 м [Ростовцев, 1925, с. 267–268]. Сначала под курганной насыпью на глубине 2,8 м была открыта обшитая изнутри сосновыми досками гробница из сырцового кирпича ($3,2 \times 2,5$ м), на дне которой находились ориентированные на восток²⁴ два скелета в одном деревянном гробу. Возле черепа одного из них сохранились «фрагменты маленькой вазочки, украшенной пальметкой, и простая глиняная чашечка. На пальце левой руки – золотое кольцо», а у ног – разбитый алабастр. Через несколько дней удалось выявить другую гробницу ($2,16 \times 0,78$ м при высоте 1,13 м) «такого же устройства, основанием на материке». Скелет женщины в деревянном гробу, как и в предыдущем случае, был ориентирован на восток. В изголовье по обе стороны стояли два краснофигурных арибаллических лекифа. На черепе были обнаружены две золотых спиралевидных подвески с наконечниками в виде пирамидок из зерни (рис. 94, 2) и 43 круглых золотых бляшки от головного убора: 33 – с изображениями трёх вариантов головы горгоны Медузы и 10 – с изображением женской головы в диадеме. Возможно, головной убор в данном случае имел жесткий кожаный каркас конусовидной формы и соответственно близок к типу 5 по классификации С.А. Яценко, который отмечал, что типологически сходные уборы с височными подвесками известны у восточных соседей скифов [Яценко, 2006, с. 73, рис. 36, 3а; 43, 1].

Во рту погребённой лежал кружок тонкого листового золота с изображением женского профиля на лицевой стороне и меча на оборотной. В районе шеи нашли ожерелье из 19 золотых бусин овальной формы и подвески в виде львиной головки. Ещё две «монисты» и орехи были найдены в изголовье и у ног погребённой. Её руки когда-то украшали два разомкнутых серебряных браслета с львиными головками на концах, а один из пальцев – тонкое золотое колечко. Возле каждой руки было положено по алабастру. Из области пояса происходит серебряная пряжка. У ног справа нашли три глиняные (чернолаковые?) палеры, железный стригиль и имевший к нему отношение крючок, который, видимо, крепился на стенке гробницы. Слева лежали фрагмент деревянного гребня, бронзовое зеркало с деревянной ручкой, несколько бронзовых булавок, «расписанная венками из листьев» пиксида, два окрашенных в голубой цвет разбитых глиняных крыла и, наконец, четыре сосуда в виде статуэток – обнажённого молодого Диониса (ритон), крылатой женской фигуры с кроталами у алтаря (лекиф) и двух менад (ойнохои) [ДБК, табл. LXX].

В отношении датировки погребения особого внимания заслуживают золотые спиралевидные подвески с наконечниками в виде пирамидок из зерни, которые относятся к варианту II в по Л.Ф. Силантьевой и датируются концом V в. до н.э. В то же время

²⁴ В эталонных для синдской знати Семибратних курганах в двух случаях отмечена восточная ориентация погребённых (СК 4, 6), в двух – восточная с отклонением к югу (СК 1, 3), в трёх – восточная с отклонением к северу (СК 2, 5, 7). Нетрудно заметить, что в «царских» захоронениях V в. до н.э. присутствует только восточная ориентация, тогда как в следующем столетии наблюдается отклонение от неё к северу.

такая деталь, как сооружение гробницы над материком, в сравнении с Семибратними курганами не позволяет отнести её ко времени позднее 420-410 гг. до н.э.

Другое женское погребение с фигурными полихромными сосудами было открыто к юго-востоку от Фанагории в 1869 г. [ОАК, 1869, с. V; Фармаковский, 1921; Ростовцев, 1925, с. 269-270]. Здесь под большой курганной насыпью находилась перекрытая деревянными брусьями гробница из сырцового кирпича, впущенная в материк, в чём ещё В.Ф. Гайдукевич видел соответствие местной туземной традиции [Гайдукевич, 1949, с. 281]. В настоящее время высота кургана, частично разрушенного старыми раскопами и грабительскими ямами, всего 3,3 м [Паромов, 2004, с. 312], но в первоначальном виде должна была составлять не менее 5 м. Самые известные вещи из состава погребального инвентаря этого захоронения, конечно, полихромные арибаллические лекифы в виде статуэток Афродиты, Сфинкса, Сирены, женской фигуры в хитоне и гиматии, танцующего крылатого демона и птицы. Их дополняют одиннадцать терракот, изображающих Деметру и Кору, Афродиту, Аполлона и танцовщиц. Керамический комплекс помимо простой керамики включал ряд краснофигурных сосудов: четыре небольших арибаллических лекифа, ойнохою и миниатюрную гидрию. Б.В. Фармаковский считал, что все они аттического производства и датируются концом V – началом IV вв. до н.э. [Фармаковский, 1921, с. 5]. С другой стороны, А.А. Передольская была склонна отнести лекиф с трёхфигурной композицией к периоду 390–380 гг. до н.э. [Передольская, 1973, с. 67].

Среди найденных украшений стоит отметить золотые бляшки от головного убора: 30 – с изображением головы горгоны Медузы, 19 – в виде цветка лотоса и несколько экземпляров с головой смеющегося сатира. К тому же изделию, видимо, относятся две бронзовые покрытые листовым золотом спиралевидные подвески с пирамидками из зерни (рис. 94, 3). Л.Ф. Силантьева выделила их как разновидность варианта Пв конца V в. до н.э. [Силантьева, 1976, с. 127-128].

Ещё один предмет, сопровождавший погребённую, – бронзовое зеркало. С учётом всех находок, особенностей конструкции погребального сооружения и явно небольшого временного разрыва с комплексом из кургана 1852 г. есть достаточные основания отнести женское погребение 1869 г. к рубежу V–IV вв. до н.э.

Обращает на себя внимание устойчивость моды в отношении головного убора трёх женщин, погребённых в сырцовых гробницах с перекрытием из деревянных брусьев, на протяжении полувека. Для них характерны обязательное присутствие набора золотых бляшек и спиралевидных подвесок с пирамидками из зерни, имевших отношение к головному убору (ФК 6, курганы 1852 г. и 1869 г.). В двух последних случаях обязательным элементом погребального инвентаря являются также сосуды для оливкового масла (арибаллические лекифы, алабастры), бронзовое зеркало. В связи с последней категорией находок стоит обратить внимание на то, что в искусстве иранских народов с зеркалом изображались только богини [Яценко, 2006, с. 52]. Отметим также присутствие на подавляющей части бляшек изображений горгоны Медузы, которая могла восприниматься в синдской среде как одна из ипостасей

местной Великой богини [Шауб, 2013а, с. 79]. Я.М. Паромов предположил, что здесь мы имеем дело с захоронениями жриц, связанных со святилищем на Майской горе в 1 км от Фанагории, в центре системы курганов, охватывающих город [Паромов, 2004, с. 314]. Как отмечала И.Д. Марченко, обряды, проводившиеся в святилище, расположенном на грязевом вулкане, «возможно, близки были каким-то догреческим религиозным представлениям, которые в более позднее время» как бы по-новому отредактировали «в свете греческих религиозных понятий» [Марченко, 1974, с. 31]. Не исключено, что в этих обрядах участвовали представительницы синдской знати, воспринявшие к концу V в. до н. э. многие элементы греческой культовой практики.

Интересно, что все указанные элементы погребального инвентаря предполагаемых жриц присутствуют среди находок из синхронного СК 6: деревянный саркофаг; сосуды для масла – алабастр и краснофигурный аск; круглые золотые бляшки (114 экз.), в том числе с головой горгоны Медузы (28 экз.),²⁵ и две бронзовые плакированные золотом спиралевидные подвески с пирамидками зерни (рис. 94, 4); бронзовое зеркало. В то же время размеры кургана (11,4 м) и ряд предметов: серебряные сосуды (в том числе килик) и богатый набор бронзовой посуды для вина, обнаруженные у ног фрагменты чешуйчатого панциря, обломки меча и наконечников копий, несколько бронзовых наконечников стрел, плотно уложенные в особом отделении костяки семи лошадей с железными удилами и псалями указывают на то, что здесь, как уже отмечалось, около 405 г. до н.э. был погребён мужской представитель «царского» рода, один из правителей Синдики. Конечно, половую принадлежность человеческих останков из СК 6 определить уже невозможно, но против того, что это была своего рода синдская «амазонка», свидетельствуют сравнительные данные по территории Скифии. Из всех выявленных в степной зоне Северного Причерноморья женских погребений с оружием (более 80) комплект из четырёх видов вооружения, как в СК 6, присутствует только в одном – погр. 3 кургана 5 могильника Мамай-Гора, да и то меч в данном случае отсутствует [Махортых, 2011, с. 46].

Каким же образом можно примирить эти факты? Представляется, что единственной возможностью в данном отношении является признание существования среди элиты синдского общества, как и у скифов, традиции энарейства («женской болезни»),²⁶ согласно которой «заболевшие», переходя в сферу культа богини, которую Геродот называет Афродитой Уранией (*Herod. I. 105. 4*), одевались по-женски, делали женскую работу, но получали дар прозрения. В этой связи можно вспомнить мнение А.М. Хазанова о том, что «женская болезнь», являвшаяся одним из проявлений энарейского комплекса, была распространена среди представителей скифского царского дома» [Хазанов, 1975, с. 175].²⁷ Сходной точки зрения на эту

²⁵ Голова Медузы изображена и на одном из трёх небольших золотых колпачков, найденных, так же как и оружие, близ ног погребённого.

²⁶ Подробный историографический обзор на эту тему см.: Королькова, 2009, с. 11–26.

²⁷ По свидетельству Псевдо-Гиппократа, ей подвержены самые могущественные и благородные по происхождению [SC, I, с. 63].

«болезнь», передававшуюся по наследству в царском поколении, придерживались А.И. Доватур, Д.П. Каллистов и И.А. Шишова, комментируя соответствующее сообщение Аристотеля в «Никомаховой этике» (*Arist. Eth. Nicom. VII. 8.1150b.14 sq.*; см.: Доватур, Каллистов, Шишова, 1982, с. 306, прим. 427). Анализируя сведения античных авторов об энареех, А.М. Хазанов считает обоснованными следующие позиции: 1) энареи – профессиональное жречество, связанное с культом богини Афродиты – Аргимпасы; 2) энареи занимались прорицаниями, получив дар гадания от Афродиты; 3) энарейство имело наследственный характер, а их женоподобие связано с требованиями религиозного культа; 4) энареи происходили из среды скифской знати и, возможно, принадлежали царскому роду; 5) энареи пользовались большим влиянием как причастные к божеству [Хазанов, 1975, с. 168, 169].

Изображения энареев Д.А. Мачинский видел в центральных персонажах пекторали из Толстой могилы, которые шьют меховую одежду²⁸ и совершают таким образом обряд, связанный с изменением социального статуса и травестизмом. При этом он отмечал у них в лицах реалистически переданные черты старения [Мачинский, 1978, с. 141-142]. Эта деталь заслуживает самого пристального внимания, поскольку в этнографии известны обрядовые действия, связанные с утратой воинских функций в результате старения и последующим принудительным травестизмом [Королькова, 2009, с. 16]. Как определяющая возрастная грань мог рассматриваться такой энарейский недуг, как половое бессилие (*Ps.-Hipp. De aere. 29*), но только в том случае, если человек принадлежал к высшим слоям общества.

«Царь», погребённый в СК 6, явно прожил долгую жизнь, поскольку курган его предшественника (СК 4) был возведён приблизительно тридцатью годами ранее. Следовательно, он вполне мог за несколько лет до смерти перейти в статус энарея – верховного жреца Великой богини-матери,²⁹ а реальную власть передать своему наследнику, известному нам как Гекатей. Кстати, этот теоним, вероятно, не случаен и, скорее всего, отражает связь синдского царского дома с почитанием Великой богини в её подземной ипостаси. Не случайно, видимо, и появление на синдских монетах головы коня, так как хтоническое женское божество у иранцев Северного Причерноморья, как правило, сочеталось с конскими образами (ср.: *Herod. IV. 9*).

Выбор имени, достаточно редкого для боспорской ономастики [КБН, 117. 121. 130, 1137],³⁰ вряд ли был случаен и, скорее всего, связан с культом местной Великой богини, владычицы всего сущего. По-видимому, образ Гекаты со змеями в волосах, покровительствовавшей охоте, пастушеству, разведению коней и даровавшей победу на войне (*Hes. Theog. 421-452*), рассматривался как одна из её ипостасей и, как уже отмечалось, мог соотноситься с горгоной Медузой. Можно вспомнить объяснение,

²⁸ Отметим, что в СК 6 были найдены остатки меховой шапки и одежды, подбитой светло-коричневым мехом.

²⁹ Возможно, у синдов она именовалась Астара (КБН, 1015).

³⁰ Самым ранним примером такого рода является эпитафия из Пантикапея, датирующаяся концом IV в. до н.э. (КБН, 117).

предложенное Д.С. Раевским по поводу широкого распространения этого образа в Скифии: «чисто греческая семантика сама по себе не могла обеспечить популярности горгонеяона у скифов – требовалась ещё интеграция в местную мифологию» [Раевский, 2006, с. 174; см. также: Шауб, 2007а, с. 96].

Если говорить о Семибратних курганах, то изображения горгоны Медузы имеются на 14 золотых бляшках из СК 2 (рис. 95, 1,2), бронзовой пластине, украшавшей панцирь из СК 4 (рис. 96, 3), на 28 золотых бляшках (рис. 95, 4,5) и колпачке из СК 6 (рис. 95, 6) – места захоронения непосредственного предшественника Гекатея, очевидно, его отца. При этом почти все упомянутые изделия торевтики демонстрируют ранний тип изображения Медузы – с широким плоским лицом и высунутым языком. Исключением являются бляшки из СК 6, где горгона представлена в виде привлекательной женщины с волнистыми волосами и стилизованными змеями, обрамляющими лицо снизу. Авторство этой облагороженной трактовки образа Медузы принадлежит Фидию, поместившему его в центр щита статуи Афины Парфенос [Русяева, 2002, с. 218]. Представление о том, как он выглядел, дает т.н. «щит Странгфорда», являющийся его мраморной копией [Колобова, 1961. С. 131].

В связи с погребениями синдской элиты для нас представляет интерес ещё один комплекс – это курган с гробницей из сырцового кирпича и деревянным перекрытием, исследованный в окрестностях Кеп близ усадьбы Пивнева в 1880 г. [ОАК, 1880, с. XII],³¹ датирующийся периодом около 440–430 гг. до н.э. Таким образом, подкурганные погребения синдской аристократии фиксируются именно близ тех античных городов Азиатского Боспора (Фанагория, Кепы), которые упомянуты в перипле Псевдо-Скилака, как существующие в земле синдов³². Через них проходила одна из главнейших дорог Таманского полуострова. От Фанагории она шла по Аллее курганов в юго-восточном направлении до поселения Стрелка 2, потом через старое русло на левобережье Кубани к Лабрису [Паромов, 1998, с. 217–218, рис. 2].

Захоронения синдской знати, не имевшей прямого отношения к «царскому» роду, рассеяны также на довольно большой территории к западу от Лабриса. Достаточно широко, в пределах датировки первой хронологической группы Семибратних курганов (450–430 гг. до н.э.), определяется дата возведения раскопанных В.Г. Тизенгаузеном двух больших курганов к югу от колонии Михаэльсфельд (совр. пос. Джигинка), где нам известен только тип погребальных сооружений – центральная гробница из сырцового кирпича, возведённая на материке.

Ко второму хронологическому этапу (430–400 гг. до н.э.) принадлежит возведённая на материке каменная гробница кургана «А» из числа Малых Семибратних курганов. Данный погребальный комплекс по конструкции сопоставим с СК 5, и, следовательно, его можно отнести к рубежу третьей и последней четверти V в. до н.э. В насыпи другого кургана, обозначенного как «В», были обнаружены такие престижные

³¹ Более подробно об этом и других курганах синдской знати см.: Горончаровский, 2014, с. 573–576.

³² В некрополе Гермонассы они, например, отсутствуют [Паромов, 2002, с. 192–203].

предметы, как золотая гривна в виде гладкого свёрнутого в круг прута, а также позолоченный серебряный килик (около 460–450 гг. до н.э.) с изображениями Диониса и Ариадны (?) [Горбунова, 1971, с. 26–29, рис. 3, 8; Античное художественное серебро, 1976, с. 13–14; Strong, 1966, p. 79].

К описанным элитным захоронениям примыкает погребальный комплекс, реконструированный А.М. Лесковым в ходе изучения коллекции Массоно, проданной в начале прошлого века в музеи Берлина и Филадельфии. Он связывал его с могилой богатой женщины из кургана, находившегося к востоку от Таманского полуострова [Лесков, 2010, с. 504–506]. Обращает на себя внимание наличие в нём большого количества изделий из золота: около трёхсот бляшек; деталей женского головного убора; пекторали; гривны из литого прута, сужающегося к несомкнутым концам (рис. 96, 1); двух питьевых рогов с львиными головками (рис. 96, 2,3); пластинобоек от деревянных сосудов, в том числе с изображением хищной птицы, держащей в когтях рыбу (рис. 96, 4), и серебряной с позолотой фиалы, где имеется гравировка в виде головы хищной птицы (рис. 96, 5,6) [Лесков, 2010, с. 507–512, рис. 1–15]. Ряд аналогий с находками из СК 4 позволяет датировать этот комплекс приблизительно 440–430 гг. до н.э.

По ряду хронологических признаков к периоду около 410–400 гг. до н.э.³³ относится уже упоминавшаяся ограбленная сырцовая гробница близ пос. Уташ (в 14 км к юго-западу от Семибратних курганов) [Алексеева, 1991, с. 30–34, табл. 50–57]. Гробница, ориентированная по продольной оси на СВ-В, имела два вытянутых отсека, отделявшихся друг от друга невысокой сырцовой стенкой. Обмазанный известью пол устилал толстый слой камки. Прямо на нём в южном отсеке стоял саркофаг, обильно инкрустированный гравированными пластинками слоновой кости. При этом особенно тщательной работой отличаются две пластины, где представлены персонажи из мифа о горгоне Медузе, изображённой в виде крылатой женщины с короткими волнистыми волосами [Новичихин, Галут, 2013, с. 22].

Для всех рассмотренных погребальных комплексов синдской аристократии характерен определённый набор сопровождающего инвентаря, в котором обязательно присутствует оружие, а предметы в зверином стиле, как правило, сочетаются с художественной продукцией эллинских мастеров. Эти комплексы в полной мере отражают процесс нарастающей социальной дифференциации синдского общества в ходе развития греко-варварских отношений на восточном пограничье Боспорского государства, завершившихся включением Синдики в его состав.

Представляется интересной попытка проследить постепенные изменения в отношении присутствия в погребальном инвентаре курганных комплексов синдской элиты определённого набора престижных предметов, наглядно показывавших принадлежность конкретных индивидов к властным структурам [ср.: Семёнов, 1994, с. 7 сл.].

³³ К близкой датировке склонялась и опубликовавшая материалы из Уташского кургана Е.М. Алексеева – рубеж V–IV вв. до н.э. [Алексеева, 1991, с. 34].

Наибольший интерес для анализа круга этих предметов представляют СК 2, 4 и 6, поскольку остальные курганы были ограблены почти полностью. Если свести в одну таблицу данные по интересующим нас показателям, включив сюда ФК 6 1852 г., получится следующая картина:

Таблица 2. Престижные предметы в погребальном инвентаре синдской элиты

№ кургана	Высота кургана	Оружие (мечи, копья, дротики, стрелы, панцири, кнемиды)	Золотые бляшки	Шейные украшения	Серебряные сосуды	Рога для вина	Браслеты, перстни	Художественная бронза	Художественные ткани
ФК6	15,6 м	1/3/-/ >140/1/-	>6	1	—	—	—	—	—
СК2	6 м	1/3/1/347/1/-	ок. 300	3	3	1	-	4	-
СК4	12,8 м	-/-/-/-/1/1	-	-	2	3	1	5	1
СК6	11,4 м	1/1/1/ колчаный набор»/1/-	114	1	3	-	3	5	2

Отсюда становится очевидным, что первая декада второй половины V в. до н.э. действительно стала переломной для синдских вождей, значительно расширив их возможности в сфере получения даров и различных ценностей. В отличие от ФК 2 самый ранний из Семибратних – СК 2,³⁴ принадлежавший члену «царского» рода, демонстрирует резко выросшее благосостояние правящей элиты. Некоторые пластинки чешуйчатого панциря погребённого плакированы золотом. С остатками горита связана большая серебряная с позолотой пластина, на которой имеется двухъярусное изображение оленихи с оленёнком и орла, несущего в когтях зайца. Золотыми бляшками расширяется целый полог, а возможно, и одежда погребённого, шею которого украшают такие золотые изделия, как массивная гривна, несколько витков пронизей и ожерелье. В состав погребального инвентаря включаются вещи, связанные с пиршественной тематикой: первоклассные серебряные сосуды (килик с изображением Беллерофонта и фиала с головками силенов), серебряный рог с наконечником в виде головы льва и набор бронзовой посуды (таз, два киафа, ситечко). Наблюдающаяся здесь концентрация престижных предметов, как символов власти, позволяет с уверенностью говорить о начавшемся обособлении «царского» рода среди прочих аристократических семей.

³⁴ Находка в насыпи СК 2 таких чернолаковых сосудов, как глубокий аск (ок. 450 г. до н.э.) и чашка с вогнутыми стенками (450–430 гг. до н.э.) [Sparkes, Talcott, 1970, p. 294, 318, fig. 8, 817, pl. 39, 1168], свидетельствует о том, что он был сооружён позднее середины V в. до н.э.

В частично ограбленном СК 4 был найден не только панцирь, украшенный бронзовой пластиной с головой горгоны Медузы, но и пластинчатые поножи. Здесь же присутствуют ахеменидский серебряный ритон с наконечником в виде протокрылатого козла и два рога для питья вина с деталями из золота. Очевидно, на определённом этапе подобные сосуды у синдов, как и у многих других народов (персы, скифы, фракийцы), превратились в своего рода стандарт роскоши. Безусловно, они были весьма престижными вещами в глазах варварской аристократии и использовались в общении между людьми высокого социального ранга [Ростовцев, 1913, с. 138; Бессонова, 1983, с. 116; Власова, 2000, с. 56 сл.]. На золотых пластинах, украшавших края питьевых рогов из Семибратних курганов (СК 2 и 4), мы видим практически один и тот же набор образов, характерных для иранской мифологии, и, видимо, значимых для синдской аристократии – прежде всего, это сцены терзания. Но если в случае терзания львом оленя или львиноголовым грифоном горного козла их можно рассматривать как отражение идеи жертвы, призванной породить энергию жизни и принести в мир состояние плодоносящего изобилия и процветания, то образ орла, «когтящего» зайца, скорее всего, имеет дополнительную смысловую нагрузку. Он мог восприниматься и как благоприятное знамение, приносящее победу. Очевидно, этим можно объяснить его присутствие в декоре не только парадных рогов, но и нагрудной пластины от панциря из СК 2. Такое значение данного сюжета, очевидно, было устойчивым для иранского мира и сопредельных территорий, поэтому спустя шестьсот лет, повторённый девять раз, он появляется на обложке ножен кинжала из горгиппийского склепа 2 второй половины II в. н.э. [Новичихин, Галут, 2013, с. 42-43].

Среди бронзовых художественных изделий из СК 4, помимо посуды, оказывается канделябр этрусского производства. Можно отметить также присутствие среди предметов погребального инвентаря плетёного проволочного браслета с головками змей и шерстяной узорчатой ткани. Возможно, за погребённым здесь вождем признавалось, помимо реальной власти, наличие некой магической силы. В частности, непосредственно близ его скелета находились семь амулетов-подвесок, в том числе клык хищника и просверленный сердолик в золотой оправе, а среди различной утвари в южной части гробницы – чернолаковая чашка с единственным найденным в СК граффито ОМА³⁵. Скорее всего, оно связано с упоминаемым Страбоном богом Оманом (*Strabo*. XI. 8. 4; XV. 3. 15), считавшимся покровителем скотоводов и скота, а возможно, и персонификацией священного напитка – хаомы, использовавшегося ираноязычными народами в погребальном ритуале. С образом этого божества могли связывать получение верховной власти и военные победы, поэтому позднее его стали ассоциировать с Зевсом Стратием, и в результате появился эллинистический культ Зевса Омана [Сапрыкин, 2009, с. 247-248].

³⁵ Соответственно можно предположить, что, по крайней мере, с конца второй трети V в. до н.э. часть синдской элиты имела как минимум некоторое представление о греческом алфавите.

Своеобразной иллюстрацией дальнейшего развития процесса обогащения синдской элиты является СК 6 конца V в. до н.э. Меняется привычная конструкция погребального сооружения: в угол сырцового склепа теперь встраивается гробница из известняковых плит³⁶ (2,3 × 1,5 м), куда помещён деревянный резной саркофаг с крышкой, обитой покрывалом из тонкой шерстяной ткани с трёхцветной росписью. Другой кусок шерстяной ткани с изображением уток и голов оленей прикрывал ноги покойника, одежду которого украшали многочисленные нашивные бляшки. Происходят некоторые изменения в составе престижных предметов погребального инвентаря. Из их числа выпадают рога для питья вина, тогда как оружие, серебряные сосуды греческой работы и художественная бронза по-прежнему сохраняют свой статус. Безусловным новшеством является ношение золотых перстней. На костях пальцев рук погребённого их было три: один с гладкой горизонтальной шинкой, другой – с изображением барса, терзающего оленя, третий – вращающийся на продольной оси халцедоновый перстень-печать с резным изображением свиньи. Обращают на себя внимание и находки в склепе трёх пластин из слоновой кости с изображениями на мифологические сюжеты и орнаментальными мотивами от шкатулок средиземноморского происхождения, а также точёных ножек типичной греческой клине. Впрочем, как справедливо заметил Ю.В. Андреев применительно к скифским курганам: «Находки золотых и серебряных изделий греческой работы, греческой керамики и т. п. предметов в курганах ... и могильниках иного типа сами по себе ещё не могут свидетельствовать о далеко зашедшей эллинизации населения» [Андреев, 2010, с. 624].

Что касается роли керамики в быту синдской знати, то она была довольно незначительной. Похоже, что её художественные достоинства для неё не имели никакого значения. Единственная более или менее интересная в этом отношении краснофигурная пелика с дионисийскими персонажами происходит из СК 1 (ок. 375 г. до н.э.). Прочие немногочисленные краснофигурные сосуды вполне рядовой работы. Полностью отсутствуют сосуды для питья вина, а набор форм чернолаковой и расписной керамики ограничен небольшими чашками (7 экз. только в курганах V в. до н.э.), лекифами, алабастрами и аском (рис. 97). Красноглиняная хозяйственная посуда представлена только двумя образцами – это лутерий из СК 4 и кастрюля с ситечком на сливе из СК 6, где было найдено наибольшее количество образцов керамики (6 экз.). В целом подобного рода находки из погребальных комплексов Семибратних курганов (18 экз.) распределяются следующим образом:

- красноглиняная керамика – 11,1 % (2 экз.);
- простая чернолаковая керамика – 55,6 % (10 экз.);
- краснофигурная керамика – 33,3 % (6 экз.).

О сохранении прежних тенденций в культуре элиты местного общества даже в начале IV в. до н.э., когда охваченная затяжными военными действиями Синдика переживает далеко не лучшие времена, в какой-то мере можно судить по осно-

³⁶ Возможно, при участии граждан Лабриса.

вательно ограбленному СК 3. На дне впущенной в материк каменной гробницы сохранились отделанная золотом и серебром рукоять махайры греческой работы в виде головы орлиноголового грифона [Сокольский, 1954, с. 131] и наконечник копья. Среди находок присутствовали также обломки нижней части серебряного сосуда, оправленный в золото вращающийся халцедоновый скарабеоид с изображением медведя и отдельные золотые нашивные бляшки в виде треугольников, пальметок, льва и лежащего козла.

3.3. Роль элиты в синдском обществе. «Синдские» монеты и проблема Синдского государства

Дискуссионная проблема существования Синдского государства давно привлекает пристальное внимание учёного мира и до сих пор далека от завершения [соответствующий историографический обзор см.: Бондаренко, 2012, с. 89–107]. С одной стороны, сам факт производившейся от лица синдов монетной чеканки говорит, насколько далеко вперед ушли они в общественном развитии по сравнению со своими варварскими соседями. С другой – существование на протяжении нескольких десятилетий в неизменном виде легенды ΣΙΝΔΩΝ указывает на длительное сохранение элементов родоплеменной структуры власти, когда руководство племенем осуществляется от имени его членов, а царь выступает как «первый среди равных». В этой ситуации обычно достаточно велика роль войска, как собрания вооружённых свободных людей, которое после смерти «царя» должно было выбрать или утвердить нового вождя. Таким образом, переход верховной власти у синдов мог происходить не в порядке прямой преемственности, а решаться каждый раз заново при ограничении возможности выбора членами одного и того же рода [ср.: Златковская, 1971, с. 206; Кычанов, 2010, с. 17]. В любом случае принятие важных политических решений, видимо, не могло осуществляться без участия представителей аристократии. Можно предположить, что на определённом этапе развития синдского общества его аристократия оказалась расколотой на две партии, своего рода «иранскую» и «греческую», которую возглавил Гекатей, на первых порах потерпевший в этом противостоянии поражение. Его женитьба на меотянке Тиргатао в начальный период правления, возможно, являлась отражением временного компромисса с антиэллинскими настроениями части синдской знати [ср.: Блаватская, 1959, с. 103–105; Шелов-Коведяев, 1985, с. 133–134]. Судя по всему, Гекатей родился около 435 г. до н.э., был воспитан в эллинском духе, мог читать и писать по-гречески. Можно предположить, что уже при жизни его деда связь царского рода с Лабрисом была подкреплена браком наследника с местной гречанкой. Очевидно, тогда здесь и появилась периодически посещаемая царская резиденция³⁷. Собственно, об укреплении связей синдов с греческим миром доста-

³⁷ Ср.: Хазанов 2008, 420–421. Примером подобного рода отношений является ситуация, сложившаяся

точно наглядно свидетельствует начавшаяся на определённом этапе чеканка монет с легендой ΣΙΝΔΩΝ. Когда же и где это произошло?

Одни исследователи видели в этих монетах эмиссию племени синдов, другие придерживаются мнения о принадлежности данных выпусков греческому полису Синд, Синдика, Синдская Гавань, союзной чеканке полисов Азиатского Боспора³⁸ или более конкретно – Фанагории [Мельников, 2005, с. 27–28].

Однако обратимся к собственно «синдской» эмиссии³⁹. На сегодняшний день известно одиннадцать разновидностей ранних боспорских монет, чья принадлежность к ней не вызывает сомнений. Все они могут быть сведены в три серии [см., напр.: Абрамзон, Горлов, 1998, с. 144]. Серия С-1 представлена следующими типами:

1) Л. с. – обнаженный воин (Геракл?), опустившийся на одно колено, с луком, вправо. О. с. – в углублённом квадрате изображение совы в фас с расправленными крыльями, вверху надпись ΣΙΝΔΩΝ (тип III по Н.А. Фроловой) (рис. 98, 1,2). Стоит отметить, что на всех известных номиналах этого выпуска лук подвешен на левой руке воина, судя по всему, проверяющего стрелу. В зеркальном отображении похожая композиция имеется на происходящем из некрополя Пантикапея золотом перстне с изображением сидящего перса, который датируется 420–400 гг. до н.э. [Уильямс, Огден, 1995, с. 156, кат. 97]. Можно с уверенностью утверждать, что указанный тип выпускался в двух номиналах – триобол и диобол.

2) Л. с. – протом козла вправо с повернутой назад головой. О. с. – в углублённом квадрате сова анфас с распушенными крыльями, вверху надпись ΣΙΝΔΩΝ (рис. 98, 3,4). Судя по весу, монеты этого типа – гемиоболы.

Ближайшей аналогией рассматриваемому типу, по мнению О.Н. Мельникова, является гекта Митилены, где представлены «протома скачущего козла вправо с повернутой назад головой – сова анфас с распростёртыми крыльями во вдавленном квадрате» (рис. 99, 5). Данное сходство автор склонен объяснять существованием тесных отношений между Митиленой и Северо-Восточным Причерноморьем [см.: Мельников 2003: 178]. В качестве доказательства приводятся сообщение Фукидида об ожидании митиленцами помощи лучниками и хлебом из Понта для начала борьбы с Афинами (*Thuc.* III. 2. 2) и одна из версий об основании Гермонассы (*Eust.* 549), хотя эти примеры сами по себе достаточно спорны [Брашинский, 1963, с. 92, прим. 9].

На роль младшего номинала исследуемой группы могут претендовать известные в двух экземплярах монеты типа: Л.с. – муравей. О.с. – расположенное горизонтально в центре монетного поля зерно, сверху надпись ΣΙΝΔΩΝ [рис. 98, 5,6]. Предпочтение, отдаваемое этому типу, можно обосновать наличием специфическо-

в Ольвии, где скифский царь Скил имел «дом обширных размеров и богато устроенный», жил «месяц или более того», после чего покидал город, возвращаясь туда довольно часто (*Herod.* IV. 78–79).

³⁸ Наиболее полно историография вопроса представлена в работе Н.А. Фроловой «Корпус монет синдов» [Фролова, 2002, 71–72].

³⁹ Нумизматический раздел работы написан при участии А.Е. Терещенко.

го аверсного изображения практически для каждого номинала серии С-1, что позволяет предполагать существование его и для тетартемориев.

Серия С-2 включает несколько типов монет:

1) Л.с. – голова Геракла в львиной шкуре вправо, в обрамлении из точек. О.с. – вдавленный квадрат, в центре голова коня вправо, справа от неё восьмиконечная звезда, сверху надпись ΣΙΝΔΩΝ (рис. 98, 7,8). Номиналы: триобол и диобол (?). По Н.А. Фроловой, это тип I [Фролова, 2002, с. 72]. На данный момент известно семь монет этого типа.

2) Л.с. – то же, но обрамление из точек отсутствует. О.с. – то же, но звезда отсутствует (рис. 98, 9,10). По Н.А. Фроловой, это тип II, представленный диоболлами, оболлами, гемиоболлами, тетартемориями и гемитетартемориями [Фролова, 2002, с. 72–73].

3) Л.с. – голова быка вправо. О.с. – голова коня вправо, сверху надпись ΣΙΝΔΩΝ (рис. 98, 11). Это тип IV по Н.А. Фроловой, и есть все основания считать монеты с головой быка, как и пантикапейские с муравьём, относящимися к самому младшему номиналу – тетартемориям. Ввиду полнейшей идентичности реверсного сюжета их необходимо отнести к выпуску, в котором на аверсе монет более крупного достоинства изображена голова Геракла.

Заключительная серия С-3 (тип V по Н.А. Фроловой): Л.с. – сидящий орлиноголовый грифон вправо, перед ним зерно. О.с. – в углубленном квадрате голова коня вправо, над ним надпись ΣΙΝΔΩΝ (рис. 98, 12-14) или ΣΙΝ (рис. 98, 15-16). Этот тип с полной легендой представлен диоболлами, оболлами, гемиоболлами, а с сокращенной – тетартемориями, у которых на аверсе изображение протомы орлиноголового грифона⁴⁰. При этом на экземплярах с полной легендой она располагается поверх головы коня, а на монетах с сокращенной – буквы находятся справа от неё. Это однозначно указывает на то, что в данном случае были вырезаны новые штемпельные пары, или, как минимум, использовался новый штемпель для оборотной стороны.

Подводя некоторый итог, важно отметить, что «синдские» монеты, представленные далеко не крупными номиналами, вплоть до гемиоболов и тетартемориев, безусловно, предназначались для внутриволисного ежедневного обращения и, надо полагать, не вызывали никакого отторжения в греческой среде. Благодаря своим весовым характеристикам они совершенно органично влились в привычную для этого региона монетно-весовую систему. С другой стороны, проведенный С.Р. Тохтасьевым исчерпывающий анализ монетной легенды показал, что «с точки зрения языка легенда ΣΙΝΔΩΝ может значить только одно: «(монета) синдов» [Тохтасьев, 2001б, с. 64], т.е. это племенная чеканка. Возникает закономерный вопрос: если она производилась от имени синдов, то почему символика изображений исключительно эллинская, что, казалось бы, свидетельствует в пользу полисного происхождения «синдской» монеты [см., напр.: Аптекарев, 2004, с. 15]? Некий компромисс попытался найти

⁴⁰ У Н. А. Фроловой это сидящий львиноголовый (sic!) грифон [Фролова, 2002, с. 77].

Д. Б. Шелов, который предположил, что заимствование греческих монетных типов вызвано глубоким проникновением в Синдику греческих нравов и вкусов [Шелов, 1949, с. 116]. Однако впоследствии он счёл свои прежние взгляды «излишне категоричными и недостаточно обоснованными» и присоединился к «полисной» версии, отметив «чисто греческий характер типологии монет, в которой никак не отразились синдские культурные представления и традиции» [Шелов, 1981, с. 242]. Но так ли это? Попробуем проанализировать непосредственно сюжеты, использовавшиеся в «синдском» монетном деле.

Неоднократно отмечалось чрезвычайное разнообразие типологии «синдских» эмиссий, параллели для которых обнаруживаются в афинской (рис. 99, 1,3), митиленской (рис. 99, 5), кизикской (рис. 99, 8), ольвийской (рис. 99, 7), теосско-абдерской (рис. 99, 9,10) и гераклейской (рис. 99, 6)⁴¹ чеканке [см., напр.: Орешников, 1922, с. 123-124; Зограф, 1951, с. 169; Шеллов, 1949, с. 111,113-114; Завойкин, 2011б, с. 122-123; Строкин, 2012, с. 390, 391]. Предполагается, что указанные центры играли заметную роль в торговле с Синдикой. Исключение составляет только изображение головы коня, которое практически единодушно признавалось «эмблемой» Синдики [Зограф, 1951, с. 168; Шелов, 1949, с. 115], хотя высказывалось и мнение, что этот сюжет может являться отображением культа коня – одного из основных в религиозных представлениях иранского мира [Фролова, 2002, с. 79].

Между тем, любопытные параллели «синдской» чеканке прослеживаются в монетном деле Северо-Западного Причерноморья. Наиболее ранними в данном отношении являются медные литые монеты Никония, открывающие его эмиссионную деятельность и атрибутированные как выпуск скифского царя Скила [Карышковский, 1987, с. 66–68]⁴². На крупных номиналах в поле лицевой стороны помещено изображение совы влево и надпись ΣΚΥΛ, на оборотной – солярное колесо (см.: рис. 98, 14); на мелких номиналах – надпись сокращена до двух букв ΣΚ и перенесена на оборотную сторону (рис. 99, 15). Эти монеты были датированы 470–460 гг. до н.э. [Анохин, 1989, с. 115, № 400–402] или более узко – второй половиной 70-х гг. V в. до н.э. [Загинайло, 1990, с. 71].

Рисунок оборотной стороны на монетах Никония – солярное колесо, несомненно, является подражанием ольвийским «ассам» второй четверти V в. до н.э., т.е. совершенно очевидно, что эмиссия Скила производилась под влиянием ольвийского монетного дела. В данном случае для аверса используется афинский композиционный принцип изображения совы, но птица на монетах из Никония развернута влево. Конечно, прототипом для никонийской эмиссии могли послужить афинские тетрадрахмы последней трети VI в. до н.э., на которых сова помещена именно в этом

⁴¹ Такое сравнение неправомерно, поскольку характерным признаком гераклейской чеканки конца V – первой половины IV вв. до н.э. является изображение головы не юного, а бородатого Геракла.

⁴² Об особой связи царя Скила именно с Никонием, возможно, свидетельствует случайное открытие на территории этого города каменного склепа середины V в. до н.э. с погребением скифского вождя царского ранга [Рябова, Лежух, 2001].

ракурсе, но, на наш взгляд, этот сюжет был заимствован только потому, что обращенная влево сова являлась родовой эмблемой Скила.

Спустя короткое время после прекращения чеканки сов Скила появляются серебряные статеры Эминака с изображением на аверсе коленопреклонённого Геракла в львиной шкуре, натягивающего тетиву лука, и на реверсе – колеса с точками по ободу и дельфинами в углах (рис. 99, 7). Для В.А. Анохина, несмотря на нехарактерный тип аверса, отсутствие названия города и негреческое имя, это сугубо греческая полисная монета, которую он датирует 440–438 гг. до н.э. [Анохин, 1989, с. 15-16, 104]. Они датируются либо третьей четвертью V в. до н.э. [Карышковский, 2003, с. 164], либо 438–410 гг. до н.э. [Анохин, 1989, с. 104, № 11].

Иная идея была высказана П.О. Карышковским, предположившим ольвийское происхождение монет Эминака, которое удостоверяется не только изображением соответствующей эмблемы, но и находками в Ольвии небольшого клада и отдельных экземпляров этой эмиссии [Карышковский, 1984, с. 88-89]. Согласно его точке зрения на статерах с именем Эминака «...изображена сцена из скифской этногонической легенды – Геракл, демонстрирующий способ натягивания лука». Отсюда вытекал следующий достаточно осторожный вывод: «Неизвестно, был ли этот Эминак гражданином Ольвии или правителем какого-нибудь племени, жившего в её окрестностях, но находки таких монет в Ольвии заставляют рассматривать их в любом случае как монеты, обращавшиеся в городе» [Карышковский, 2003, с. 103, 122, 222]. Более решительно высказался Ю. Г. Виноградов: «...некий скифский правитель не только поместил на серебре Ольвийского полиса своё имя, но и гордо отчеканил изображение своего предка Таргитая-Геракла – мифологического основателя династии скифских царей» [Виноградов Ю.Г., 1989, с. 94].

Таким образом, мы можем говорить, по крайней мере, о двух «варварских» эмиссиях, имевших место в Северо-Западном Причерноморье в V в. до н. э. Справедливости ради необходимо сказать, что идея присвоения монетной регалии была, несомненно, воспринята скифами у фракийцев, с которыми имелись самые тесные контакты. Впервые фракийские монеты с этниконами племён бисалтов, дерронов, орресков, ихнов, а иногда и именами местных царей, написанными на греческом языке, появляются уже в конце VI – начале V вв. с конца VI в. до н. э. [Златковская, 1971, с. 68]. Очевидно, их чеканка производилась на монетных дворах тех греческих полисов, которые находились под протекторатом варваров или поддерживали с ними самые тесные отношения. В этом отношении можно провести параллель между обилием среди ранних фракийских монет окто- и декадрахм весом от 20 до 40 г [Златковская, 1971, с. 68, 70] и присутствием таких же крупных номиналов в чеканке Абдеры 540/35–520/15 гг. до н.э. [May, 1966, p. 59, 60, 62]. Более мелкие – тетрадрахмы, драхмы и диоболы – появляются только во второй половине V в. до н.э. [Златковская, 1971, с. 70-71]. Для синдов, судя по всему, образцом стала пантикапейская чеканка, в которой самым крупным номиналом была драхма, а наиболее востребованным – диобол. О влиянии Пантикапея может говорить наличие на триоболах серии С-2 восьмико-

нечной звезды, которая представляла собой отличительный признак пантикапейской городской эмиссии [Терещенко, 1999, с. 86].

Ранее преобладало мнение, что местом чеканки «синдских» монет могла быть Фанагория, где на монетах, как и в Синдике, помещалось изображение зерна [Анохин, 1986, табл. II, 77-79]. К тому же метрополией этого города являлся Теос, главным монетным типом которого было изображение сидящего грифона (рис. 99, 10), как в последней серии синдской чеканки С-3. Вместе с тем, первые фанагорийские монеты, как считается, появляются не ранее начала IV в. до н.э. [Зограф, 1951, с. 169-170]. Следовательно, этот полис не мог производить денежную эмиссию в более ранний период [Завойкин, Болдырев, 1994, с. 144; Терещенко, 1999, с. 87].

В настоящее время как наиболее вероятный центр изготовления монет с легендой ΣΙΝΔΩΝ следует рассматривать Лабрис [Смекалова, Горончаровский, Дюков, 2007, с. 36], для обеспечения потребностей повседневной торговли в котором они, собственно, и предназначались. Основанный в самом начале V в. до н. э. этот город, по крайней мере, уже с конца второй четверти того же столетия определённо существовал как греческий центр в Синдике. Именно неподалеку от него вскоре начинается формироваться курганный некрополь с захоронениями представителей правящей синдской династии (Семибратние курганы). По данным В.Л. Строкина, к настоящему времени для Лабриса известно уже около 50 случайных находок «синдских» монет почти всех известных типов [Строкин, 2012, с. 393], что в масштабах боспорского региона является совершенно исключительным показателем.

Для определения места чеканки «синдских» монет необходимо принять во внимание и такой чрезвычайно важный момент, как состав серебра. Проведённый Т.Н. Смекаловой и Ю.Л. Дюковым анализ монетного сплава выявил отличие «синдских» эмиссий от одновременных им выпусков Пантикапея, Нимфея, Феодосии и Фанагории. Если те чеканят серебряную монету, сходную по составу с афинской, металл для которой добывался в Лаврионских рудниках, то синдские выпуски демонстрируют вполне определённое отличие [Смекалова, Дюков, 2001, с. 28]. Этот результат чрезвычайно важен, поскольку если бы монеты с легендой ΣΙΝΔΩΝ действительно являлись, скажем, союзной эмиссией полисов Азиатского Боспора [Завойкин, Болдырев, 1994, с. 46-47], то они были бы идентичны по составу афинскому серебру. В синдской чеканке этого не наблюдается, и предположение о её союзном характере следует считать несостоятельным [Терещенко, 2001, с. 15]. То же можно сказать и о другой точке зрения, согласно которой монеты с надписью ΣΙΝΔΩΝ чеканились пока ещё окончательно нелокализованным греческим полисом Синд (Синдик, Синдская Гавань), наиболее часто отождествляемым с Горгиппией [Орешников, 1922, с. 122; Шелов, 1956б, с. 43; Тохтасьев, 2002, с. 20].

Скорее всего, установленное расхождение в составе монетного металла может объясняться тем, что монеты с легендой ΣΙΝΔΩΝ делались из запасов серебра, которым владели синдские цари. Оно могло иметь самое различное происхождение, например, пришедшие в негодность серебряные изделия, поступавшие в качестве да-

ров, а значит, и состав металла монет закономерно не был однородным [Тохтасьев, 2001б, с. 68; Терещенко, 2001, с. 16]. Само собой разумеется, что синдские правители, предоставляя сырьё для чеканки, определяли и её «дизайн». При этом выбирались сюжеты, соответствовавшие определённым религиозным взглядам.

Теперь вернёмся к процитированному выше утверждению Д.Б. Шелова об отсутствии в типологии монет синдов следов их культурных представлений. Чрезвычайно показательным выглядит факт присутствия в погребальном инвентаре Семибратних курганов ряда предметов, в декоре которых использованы сюжеты, аналогичные встречающимся в «синдской» чеканке. В частности, среди многочисленных украшений имеются золотые изделия в виде совы, головы безбородого мужчины, головы быка, коленопреклонённого обнажённого юноши, козла, протомы козла и головы грифона [Артамонов, 1966, рис. 43, 47, 71, табл. 109, 110, 117, 119, 137; см.: рис. 100, 1-8]. В основном они имеют греческое происхождение, что явилось предпосылкой для появления мнения об усвоении синдской знатью греческих культурных традиций [см., напр.: Шелов, 1981, с. 238]. Между тем, престижные вещи для статусных захоронений, несомненно, имели глубокий сакральный смысл. Как показывают находки из Семибратних курганов, при отсутствии канонического облика персонажей синдской мифологии образы, созданные в иной культурной среде, оказались полностью востребованными в сфере местных религиозных представлений. Так же могла восприниматься и типология «синдских» монет, невзирая на её сугубо эллинский характер. Например, образ Геракла, как на монетах Скила и Эминака, мог служить напоминанием о божественном предке вождя и всех синдов. С другой стороны, беря в руки «варварские» деньги, жители боспорских городов видели привычные для них сюжеты, заимствованные из чеканки полисов, с которыми велась хорошо налаженная торговля. Не исключено, что это могло увеличивать степень доверия к монете на подсознательном уровне [Строкин, 2012, с. 390, 392-393].

Все эти наблюдения в большей степени касаются аверса «синдских» монет. В отношении оборотной стороны ситуация, по-видимому, обстоит несколько иначе. В первую очередь, следует обратить внимание на достаточную устойчивость типов реверса, не отличающихся особой разновидностью. В данном случае мы имеем только три вида сюжетов. При этом один из них – изображение зерна на реверсе тетартемориев серии С-1, вероятно, не несёт какой-то особой смысловой нагрузки и, скорее всего, определяет номинал как минимальную счетную единицу. Особое значение придавалось двум другим сюжетам – это сова с распростёртыми крыльями в фас (рис. 98, 1,3)⁴³ и голова коня, явно отражавшим идеологию и религиозные представления властных структур. Данные типы реверса монет «синдской» чеканки при

⁴³ Интересно, что на бляшках, обнаруженных в СК 2, самом раннем из всей группы курганов, эта птица представлена в другом ракурсе, наиболее распространённом в афинской монетной типологии (рис. 99, 2) и в данном случае определённо копирующим тип совы на афинских тетрадрахмах временем не позднее 450 г. до н.э. [Kroll, Walker, 1993, p. 6, pl. I, 8a]. Довольно схематичное изображение совы

сохранении объединяющей их надписи ΣΙΝΔΩΝ могли быть связаны с родовыми эмблемами или атрибутами богов-покровителей отдельных представителей правящей династии [Терешенко, 2001, с. 16]. Первыми, кто решил таким способом оформить монету, были граждане Афин. Среди афинских монетных выпусков последней трети VI в. до н. э. хорошо известны так называемые *Wappenmünzen* (гербовые монеты), твёрдо ассоциирующиеся с эмблемами конкретных аристократических семей [Суриков, 2007, с. 10].

В настоящее время развитие «синдской» эмиссии представляется в следующем виде. Серия С-1 приходится на время правления или политического влияния рода с эмблемой в виде совы. Останки его представителей, вероятно, покоятся в трёх Семибратних курганах (СК 2, 4, 5), объединённых традицией возведения крупных сырцовых склепов на материке, что подтверждает более раннюю дату выпуска серии С-1. Аналогии с монетными типами чеканки Скила (сова) и Эминака (Геракл, натягивающий лук) предположительно следует рассматривать как указание на родственные связи местного царского рода со скифской аристократией. Достаточно вспомнить, что наследник синдского царя Гекатея, Октамасад, носил то же имя, что и брат царя Скила [Виноградов Ю.Г., 2002, с. 150]. Серии С-2 и С-3, по-видимому, связаны с пребыванием у власти правителя, чьим символом была голова коня, и таковым мог быть только Гекатей.

Как уже отмечалось, для монетных выпусков «синдской» чеканки большое значение имеет сопоставление с пантикапейскими сериями. В отношении датировки наиболее информативным представляется сравнение расположения надписи на монетах. У большинства из них легенда из шести букв размещается вдоль верхнего края *quadratum incusum* оборотной стороны. Самая ранняя пантикапейская серия, отвечающая указанному параметру (рис. 99, 11), датируется примерно 429/28 г. до н.э., что даёт предполагаемый *terminus post quem* для начала «синдской» чеканки. Прекращение же эмиссионной деятельности происходит, вероятно, где-то около 390 г. до н.э., когда вслед за откровенным вмешательством Сатира I в дела данного региона последовала упорная борьба с меотянкой Тиргатао, бывшей женой Гекатея (*Polyaen.* 8. 55), а вскоре, уже при Левконе I, и включение Синдики в состав Боспорского государства.

Теперь попробуем обобщить имеющиеся данные по относительной и абсолютной хронологии каждой конкретной серии «синдских» монет. Напомним, что бляшки с совой найдены в СК 2, относящемся к группе погребальных комплексов, которая датируется в пределах 450-430 гг. до н.э. [Горончаровский, 2013, с. 161]. Это позволяет рассматривать монеты с изображением совы на реверсе как первую серию «синдской» эмиссии (С-1), выпущенную где-то на рубеже третьей и последней чет-

на золотых бляшках из кургана у Дарьевки близ местечка Шполы [Бобринский, 1894, с. 128–130, табл. XIII, 6], на которое в данной связи ссылался В.П. Шилов [Шилов, 1951, с. 213], не имеет ничего общего с типом афинских сов.

верти V в. до н.э. Самая многочисленная серия С-2 (голова Геракла – голова коня) насчитывает почти полторы сотни экземпляров. Примерно столько же известно и в синхронной с ней пантикапейской серии типа «голова льва в фас – голова барана вправо» (рис. 99, 12). Следовательно, есть все основания полагать, что к этому времени синдские правители обладали немалыми запасами серебра, позволявшими поддерживать эмиссионный объём на уровне пантикапейского.

Период выпуска серии С-2, по-видимому, захватывает большую часть последней четверти V в. до н.э. Это был самый спокойный этап в жизни Синдики, поскольку политическая активность боспорского царя Сатира I ограничивалась тогда в основном европейской стороной Боспора Киммерийского. В дальнейшем ставка на союз с ним правителя синдов Гекатея, приведшая к военному конфликту с Тиргатао, не могла не отразиться на чеканке серебра того времени. Скорее всего, затянувшаяся война резко сократила возможности царской казны в отношении поставок монетного сырья. Вполне вероятно, что серия С-3 чеканилась с перерывами примерно с 400 по 390 г. до н.э. Итак, хронологию эмиссии «синдских» монет можно представить следующим образом: С-1 ≈425–415 гг. до н.э.; С-2 ≈415–400 гг. до н.э.; С-3 ≈400–390 гг. до н.э. Выпуск около 380 г. до н.э. Левконом I монеты с головой коня (рис. 99, 13), видимо, должен был наглядно подтвердить переход Синдского царства под власть Спартокидов [Терещенко, 2013, с. 110]⁴⁴.

Итак, судя по имеющимся данным, Синдика предстаёт перед нами как племенная структура, использовавшая скифский опыт налаживания политических и экономических отношений с греческими полисами и сделавшая первый шаг на пути к будущей, так и не реализованной государственности. Её можно охарактеризовать как «вождество», для которого характерны следующие черты: иерархическая система принятия важных решений, тенденция к превращению элиты в замкнутое сословие, перераспределение прибавочного продукта по властной вертикали и сакрализованный характер верховной власти [Крадин, 1995, с. 11–61].

3.4. Лабрис (Семибратнее городище) и его значение для исследования взаимодействий синдской элиты с греческим населением Азиатского Боспора

Как уже отмечалось, Лабрис (Семибратнее городище) с наибольшим правом может претендовать на роль упомянутой Страбоном царской резиденции синдов, расположенной поблизости от моря, «в непосредственной близости от пролива и имел прямой выход к морю», как минимум, до рубежа н.э. или несколько более раннего времени [Журавлев, Кельтербаум, Поротов и др., 2011, с. 108; ср.: Внуков, Поротов, Пушкарёв и др., 2008, с. 135–136], что объясняет неоднократные находки в культур-

⁴⁴ В свое время причина появления этого типа в медной чеканке Левкона I осталась для В.А. Анохина нераскрытой [Анохин, 1999, с. 58], а В.Л. Строкин связал его с вмешательством Сатира I во внутренние дела Синдики в последние годы его жизни [Строкин, 2011, с. 84–85].

ных слоях городища раковин морских мидий. Окончательно кубанский морской пролив обмелел к середине I тыс. н.э., но даже в XVII в. образовавшийся в его южной части Кизилташский лиман был связан с морем и одним из рукавов Кубани [см.: Челеби, 1979, с. 49].

По данным аэрофотосъёмки и геомагнитной разведки,⁴⁵ северная часть Лабриса (около 6 га), обращённая к древнему руслу Гипаниса, имеет овальные очертания, тогда как южная часть – форму трапеции (2,5 га). Эти различия в условиях достаточно ровной местности представляются не случайными, а отражающими определённые этапы в развитии городской территории. Найденные в северной части городища наиболее ранние образцы амфорной тары и расписной керамики позволяют отнести основание Лабриса ко времени не ранее самого начала V в. до н.э. [ср.: Каменецкий, 2003, с. 72; Вдовиченко, 2006, с. 32]. Скорее всего, на первых порах здесь на более или менее постоянной основе проживали представители греческих городов, заинтересованных в торговых связях с синдами [ср.: Колобова, 1951, с. 208–210; Марченко, Житников, Копылов, 2000, с. 248–252], что не исключает присутствия местного населения, селившегося на отдельных участках.

Доследование, проводившееся в 2007–2009 гг. в северо-восточной части раскопа «А» 1938–1940 гг., где было открыто укреплённое эллинистическое здание, показало отсутствие в ранних слоях V – первой половины IV вв. до н.э. каких-либо строительных остатков, за исключением обломков глиняной обмазки турлучных построек, и наличие 14 хозяйственных ям на довольно ограниченной площади около 30 кв. м. В связи с этим можно предположить, что в этот период основная часть территории на северной оконечности городища использовалась не под застройку, а в хозяйственных целях или как убежище с временными жилыми постройками. Так или иначе, северная часть городища в результате бессистемной застройки приобрела овальную форму, которой соответствует ранняя линия укреплений, очевидно, возведённая около 480 г. до н.э. при помощи греческих союзников.

В конце второй четверти V в. до н.э. Лабрис одновременно расширяется в южном направлении за счёт пристройки дополнительной оборонительной линии, имеющей трапециевидную в плане форму⁴⁶. Это могло быть связано с прибытием на левый берег Гипаниса небольшой группы эпойков (около 130–150 семей) [Горнчаровский, 2009, с. 156]. Возможно, дополнительный приток греческого населения в город был вызван событиями в бассейне Эгейского моря, связанными с подавлением антиафинского восстания на Фасосе в 465–462 гг. до н.э. (*Thuc.* I. 101), после чего жители острова лишились эмпориев на побережье Фракии и вынуждены были активизировать свою деятельность по освоению более отдалённых районов варварского

⁴⁵ Общая площадь изученной таким образом территории составила 3,8 га, т.е. около 45% площади всего городища.

⁴⁶ *Terminus post quem* в данном случае даёт находка в кладке стены башни на восточной линии обороны южной части Лабриса большого фрагмента горла развитого варианта III-B пухлогорлой хиосской амфоры [Монахов, 2003, с. 18, табл. 6, 4–8].

хинтерланда [Боузек, 2003, с. 16 сл.; ср.: Graham, 2002, p. 87 ff.]. Это согласуется с данными об интенсивных торговых контактах Синдики и сопредельных территорий с Фасосом именно со второй половины V в. до н.э., когда этот центр стал главным поставщиком вина в Прикубанье [Малышев, 2000, с. 105-106]. По крайней мере, с этого времени Лабрис определённо существовал как греческий центр в Синдике. Не случайно И.С. Каменецкий отмечал для Семибратнего городища «специфически античный набор керамики» [Каменецкий, 2003, с. 71], а И.И. Вдовиченко, изучившая коллекцию аттической расписной керамики из раскопок Семибратнего городища, обратила внимание на то, что «основная масса находок относится ко второй половине V в. до н.э.». При этом в их составе можно встретить «очень изысканную посуду, расписанную лучшими аттическими мастерами», а типологически имеющиеся образцы близки к характерным для городских центров Боспора [Вдовиченко, 2006, с. 35].

Из посвяtitельной надписи Левкона I мы знаем, что город находился под божественным покровительством Феба Аполлона, который именуется «владыкой Лабриса», т.е. здесь находилось его святилище. Культ Аполлона с эпиклесой Феб (Лучезарный) довольно необычен для Боспора и засвидетельствован в местной эпиграфике, кроме вотива Левкона I, лишь однажды. Это пантикапейская эпитафия времени Перисада I (349/48–311/10) на постаменте из серого мрамора: «Твою статую, Антистасий, поставил Фаномах (в дар) Фебу, воздвигнув смертному отцу бессмертный памятник, при Перисаде, правителе всей земли, какая лежит между крайними пределами тавров и границами Кавказской земли» (КБН. 113)⁴⁷. Возможно, первые колонисты учредили в Лабрисе культ Феба Аполлона,⁴⁸ почитая его как основателя городов⁴⁹. С одной стороны, он мог быть отождествлён с почитавшимся синдами местным божеством [Яйленко, 2004б, с. 440; 2006, с. 370; ср.: Емец, 2002, с. 29], имевшим солнечную природу. Если придерживаться гипотезы об иранстве синдов, то такая аналогия является вполне логичной. Вспомним о скифском Гойтосире [Артамонов, 1961, с. 78; Кузьмина, 1977, с. 100; Бессонова, 1983, с. 43-44], которого Геродот сопоставляет с Аполлоном (*Herod.* IV. 59). С другой стороны, иранское *Gaetosura* трактуется как «добром и крупным скотом богатый», в чём можно усмо-

⁴⁷ Не исключено, что Антистасий и Фаномах были уроженцами Лабриса, по тем или иным причинам оказавшимися в Пантикапее.

⁴⁸ А.С. Русяева высказала предположение, что Лабрис мог быть основан под эгидой Феба Аполлона боспорскими греками на синдской территории [Русяева, 2003, с. 225 сл.]. Как известно, достаточно позднее сопоставление Феба Аполлона с Гелиосом в древнегреческой эпиграфике берёт своё начало в VI в. до н.э. [Lazzarini, 1976, p. 291, № 800], а в литературе – со времени Еврипида [Лосев, 1957, с. 299].

⁴⁹ Один из самых ярких представителей александрийской поэзии Каллимах (310–240 гг. до н.э.), перечисляя божественные функции Феба Аполлона, уделяет главное внимание тому, что он является основателем и покровителем городов:

Тот же Феб размерять города научил землемеров
В роде людском: возлюбил ведь Феб городов основанье
Новых, и первый камень своею рукой полагает.

(*Callim.* Hymn. III. 6. 55-57; пер. М. Е. Грабарь-Пассек)].

треть черты авестийского Митры, ведь он тесно связан с солнцем и светом, а среди его эпитетов есть и такие: «дающий прекрасноконное богатство», «владеющий обширными пастбищами» [Vasmer, 1923, S. 112]. Как представляется, культ богалучника, предводителя воинов, охранителя стад и победителя чудовищ, наилучшим образом соответствовал интересам синдского общества, обеспечивая божественное покровительство основам его благосостояния. Возможно, скифский Гойтосир был тождествен упоминавшемуся выше синдскому Омону, паредру Анахиты (Астарты). Не исключено, что именно эта божественная пара была увековечена под именами Санерг (больше нигде не встречавшимся)⁵⁰ и Астара в посвящении Комосарии, жены Перисада I (349/48–311/10), найденном на берегу Ахтанизовского лимана (КБН. 1015), т.е. на территории Синдики.

Даже если Лабрис со временем обрёл статус полиса, он должен был остаться подконтрольным племени синдов в лице представителей правящего рода [ср.: Hansen, 1997, p. 30], которые после смерти удостоивались захоронения под расположенными на возвышенности курганными насыпями, видными с любой точки городской территории. Очевидно, отмеченные обстоятельства и обусловили в дальнейшем особую роль Лабриса как в формировании в Синдике элементов государственности раннего типа, так и в событиях военно-политического характера.

В.А. Горончаровский.

⁵⁰ В.П. Яйленко полагал, что упомянутый в посвящении жены Перисада I Комосарии наряду с Астар(т)ой «сильный бог» Санерг является ипостасью Митры и «это не имя божества, а эпikleза, переданная по-гречески ... и снабженная тут же переводом ее значения» [Яйленко, 1995, с. 251, прим. 111].